

18+

ОЛЬГА НАЙТ

Сто двадцать третья, на выезд!



Ольга Найт

Сто двадцать третья, на выезд!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69305920

ISBN 9785006012783

Аннотация

Вы видите белую машину с красным крестом и синим проблесковым маячком, несущуюся по проспекту. Какие мысли приходят вам в голову? Что там внутри этой машины вот сейчас в данный момент происходит? Куда она летит через перекрестки и светофоры под вой сирены? Что будет там по окончании ее пути? Днем и ночью, в холод и в жару, в снег и в дождь несется скорая помощь под вой сирены и эта книга о ее нелегких буднях.

Содержание

Первый день	5
Диалоги	17
Со стороны	23
До и после	28
Мыши! Кругом одни мыши!	31
Сто таблеток коринфара	39
Вилка в голове	48
Загадочная смерть	53
Первая смерть	58
Круговорот бомжей в природе	65
Упал на штыри, не дышит	67
Я знала, что вы меня услышите...	72
Стеинг ин лайв	79
Сила слова	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сто двадцать третья, на выезд!

Ольга Найт

© Ольга Найт, 2023

ISBN 978-5-0060-1278-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый день

3 августа 2003 года в 8.30 я впервые пересекла порог подстанции в качестве сотрудника скорой.

Гордая до жути и дрожащая внутри от страха, предстала я перед диспетчерами. Какое-то время они совещались, куда меня поставить, к кому, на какую бригаду. Сказали: пока погуляй, посиди в диспетчерской, сейчас определим тебя. Прислушиваясь к их разговору, я поняла, что новичков тут не особо жалуют.

– Не к Валентине же ее ставить.

– Нет, нет, только не к Валентине. Она ее сожрет сразу.

– И к Михееву тоже как-то не очень... Он не работает с новенькими.

– Ладно, на двойку. Там фельдшер не вышел.

– Все. На двойку. Пойдешь на неврологическую бригаду с доктором Никитиной. Очень хорошая доктор, спокойная, тебе понравится.

Я, улыбаясь, кивала головой, пока диспетчера объясняли мне где и что, как заполнять журналы, где ставить подпись в таблице.

– Ничего, постепенно втянешься, – с надеждой в голосе произнесла диспетчер Любаня, видя как у меня вытянулось лицо из-за обилия информации и вида всех тех журналов на столе.

9. 00. Познакомилась с доктором Никитиной. Приятная женщина обреченно вздохнула, узнав, что я только после колледжа. Я почувствовала, что она совсем мне не рада, но пытается это скрыть. Еще пару раз вздохнула, печально спросив: «А в медицине ты еще не работала?». И получив ответ: «Нет. Не работала.» – совсем погрустнела.

Еще бы! Спецбригада и новенький еще зеленый фельдшер, только-только после колледжа, ничего пока не умеющий. А это все-таки неврологическая бригада, не простая, линейная. Там, считай, все вызова тяжелые, ну, во всяком случае, почти все. И все теперь на ней: и больные, и инъекции, и кубиталки, и еще я тут с боку припеку появилась... За мной тоже нужен глаз да глаз. Пока это я втянусь в работу...

А сама я обалдела от количества журналов в которых надо расписываться при приеме бригады и от того, что надо на каждый израсходованный препарат писать рецепт, также писать рецепты на шприцы, перчатки, салфетки и прочее, прочее... Глаза разбегались, голова пухла, рука устала выводить свою подпись в многочисленных колонках бесчисленных журналов о приёме и сдачи оборудования. Столько писанины я не ожидала увидеть. На практике нас как-то не подготовили к такому. Запутавшись совсем в журналах, я маленько приуныла. Пытаясь распахать в своей голове все это изобилие информации, получаю первый вызов. Точнее, дис-

петчер мне так заботливо в руку вкладывает карточку с вызовом.

Вот и началась моя рабочая эпопея. Мысленно перекрестившись, я потопала вслед за доктором и водителем в гараж.

Повод: плохо женщине 85 лет (парализовало?) на квартире, вызывает дочь.

Несмотря на вроде бы небольшие трудности со всякой писаниной в журналах, я радуюсь, что еду на вызов. В кабине весело, светло, играет радио и такое блаженство разливается по телу. Вот я и на скорой. Сбылась мечта идиота. И чего так радуюсь, не пойму, но на душе просто кайфово. Водитель рулит, переключая передачи, доктор рядом листает какой-то журнал, а я просто наслаждаюсь моментом и слушаю мурлыканье радио. Хотя где-то внутри боязно маленько. Что там на вызове? Как все будет?

В то время не было навигаторов и поиск адреса шел, так сказать, коллективно, всей бригадой. Водитель и доктор совместными усилиями отыскивали нужный дом, либо смотря по бумажной карте, либо приблизительно зная, где он находится, споря и уверяя друг друга, что именно вот тот дом и есть наш. Но находили рано или поздно.

Приехали. На вызов взяли с собой, помимо ящика, волокуши и кардиограф.

По приезду обнаружилась бабулька в агональном состоянии.

При нас бабушка благополучно испустила дух. Реанимационные мероприятия. Естественно в вену я не попала. Да и не было там уже вен. Адреналин с атропином ушли под кожу. Чуть покачали. К счастью, это все-таки спецбригада, поэтому в ящике был мешок Амбу. Подышали несколько раз. Все. Констатировали. Отзвонились куда положено: и в полицию, и в трупоперевозку. Но смерть-то при нас. Доктор вздыхает и еще больше грустнеет. Придется оформлять карту, что смерть наступила при скорой. А это ей надо? Хоть тогда и не было таких трудностей и заморочек со смертью при бригаде, но тоже особо не обрадуешься. Могли, если что не так, или, если что не сойдется, вызвать на комиссию по разбору смертей, а могли и не вызвать. Как получится.

Оформили бланк констатации. Это я уже умела делать. На практике показывали как и что, поэтому бланк я смогла написать. Хоть что-то... Хотя и качала тоже я и даже тщетно пыталась в вену попасть...

Ладно, первый вызов совершился, хоть и смертью при нас... Ну, бывает... Хорошо хоть дочка никаких претензий не высказывала...

Приехали на подстанцию. И вот тут начались мои мучения по написанию рецептов. А истрчено все-таки на бабулю было много. Ох... Кучу бланков я тогда извела, прежде чем смогла более-менее нормально без помарок написать все рецепты. Тяжело...

12.30. Дали обед, точнее обеденный перерыв. К этому времени я почти закончила с рецептами и начала знакомиться с подстанцией в целом и с окружающими людьми. Новое лицо всегда выделяется. Поэтому на меня обрушился просто шквал вопросов. Оказалось, что я единственная, кто к ним пришел из новеньких за пару лет... Все недоумевали: почему именно на скорую? А я и не знала, что сказать. Просто очень, очень хотелось и чувствовалось, что мне это надо, что я смогу. Сказала я тогда, что если продержусь здесь месяц, то я буду счастлива, а если полгода, то останусь навсегда. Кто-то не то в шутку, не то всерьез мне сказал: «Беги отсюда, пока не поздно», но я только усмехнулась, а про себя подумала, что останусь здесь надолго. Народ очень приветливый, общительный. Все сразу стали объяснять как и что писать: рецепты, карты, журналы, как читать ЭКГ. Один фельдшер, с именем Валентин, притащил кипу ЭКГ-шек. Разложил передо мной и давай тыкать пальцем и рассказывать, что тут и как. Столько информации выплеснули, что я захлебнулась в этом потоке и утонула совсем и только как-то дико улыбалась и кивала головой, а у самой мозги вытекали...

Увидела доктора, который приезжал к моей бабушке когда-то. Пообщались. Потом узнала свой график и очень была удивлена полусуткам по 14 часов. Подумала, а как же я домой-то буду добираться в 11 – 12 ночи. Но махнула на это рукой, как-нибудь доберусь. Не это важно. Важно было то, что я на скорой, я добилась то, чего так долго хотела и к че-

му стремилась.

13.40. Вызывает на себя фельдшерская бригада. Повод: сотрясение головного мозга. Коллапс. Мужчина 35 лет.

Приехали. Мальчика два дня назад ударили по голове бутылкой. Рассекли темечко. Обратился в травмпункт, где ему благополучно зашили рану и отправили восвояси. А сегодня он вдруг почувствовал себя плохо, несколько раз терял сознание, отмечает сильную головную боль, рвоту, температуру под 38. Приехавшая фельдшерская бригада нашла его заторможенным и с низким давлением около 70/40. Поставила кубитальный катетер в вену, прокапала флакон и нас вызвала на себя.

Мальчик заторможен. Давление уже подросло, но это на 500 мл физраствора, а перестанешь капать снова снизится. На темени инфицированные швы.

Берем в больницу с диагнозом инфицированная рана теменной области, сотряс и коллапс. И вот тут начинаются наши проблемы с этим мальчиком. Он все-таки тяжелый по состоянию, поэтому запрашиваем и реанимацию, и неврологию, и гнойную хирургию вместе, но нам дают почему-то только неврологию с общей реанимацией. Привозим в одну больницу, а там нам отворот-поворот, потому как у них нет гнойного отделения, а рана на голове инфицирована, поэтому нельзя...

Дают другую больницу. Перевозим. Но там нет мест в ре-

анимации, точнее, есть общая реанимация, а ему нужна нейро. У него коллапс и сопор. Пока перевозили из одной больницы в другую, ему поплохело. Прокапали еще флакон в пути. Сотряс тихонько переходит в ушиб головного мозга и, видимо, нарастает где-то гематома, а тут уже нужна нейро-реанимация. Снова перевозим в другую больницу. Там наконец-то все есть и его берут. В силу своей неопытности я еще всех этих тонкостей не понимаю, поэтому чувствую себя идиоткой, тупо возящей каталку с парнем туда-сюда из машины в больницу, из больницы снова в машину и опять в больницу. Но так бывает, и очень часто бывает. Теперь-то я это знаю...

Промучились таким образом по пробкам до вечера.

Вечер на подстанции. Время 19.00. Вызовов пока нет. Это все-таки спецбригада, поэтому нагрузка на нее не такая как на линии, объяснили мне коллеги. Что ж... Заварила себе доширак, села в столовой смотреть телевизор и краем уха ловить разные разговоры коллег и селектор. Постепенно начала осваиваться, небольшой мандраж, который был вначале, стал проходить, и, хотя я еще не совсем врубалась во все формальности и тонкости работы в 03, мне определенно это начинало нравиться.

Народ в 03 громкий, хохочущий, гогочущий, веселый, в этой своей синей спецформе, стетоскопы на шее, в карманах карты вызова..., бригады то уезжают, то приезжают, по-

стоянное хождение людей, кто-то что-то постоянно рассказывает, что было на вызове, чем лечил и как, селектор, кричащий строгим голосом диспетчера: «Один два! У вас вызов! Двенадцатая! Вызов!». Сама обстановка: с одной стороны напряжения, с другой ожидания... Ощущение вопроса что там кроется за словами на карте вызова, что там на вызове, как там... Ощущение непредсказуемости ситуации... И я уже была частью всего этого, я стала действующим лицом во всей этой заварушке...

Около 20. 00 нас вызвали. Повод... Ну какой еще может быть для неврологической бригады? Конечно же «парализовало». Мужчина 58 лет. Вызывает жена. Доктор говорит, что едем не в свой район. Где это и что это я еще не понимаю. Что значит «наш район» и «не наш»? Водитель пытается объяснить, что это территориальное деление. «Не наш район» – это значит, что мы работаем за другую подстанцию. У каждой подстанции своя территория, улицы и дома, которые только она обслуживает, и сейчас нас услали довольно далеко – на территорию совсем другой подстанции. Видимо, там не было свободной неврологической бригады.

Приехали. Мужичок лежит на диване. Да, у него инсульт. Тяжелый. Возможно кровоизлияние в мозг, на что указывают некоторые симптомы. Без сознания. Кома. Слева зрачок как игольное ушко – такой узкий, справа нормальный. Давление слегка повышенное. Лицо красно-лиловое перекошен-

ное вправо, щека справа парусит, т. е. надувается и сдувается, как парус при дыхании. Мужик потный. Тяжело дышит. Патологическое шумное дыхание Куссмауля, или, как еще говорят, «дыхание загнанного зверя». Это я четко определила. Все-таки теоретическая база у нас в колледже была очень сильная. Со слов жены, он прилег после ужина, заснул, а разбудить она его не смогла. И правда, со стороны можно было подумать, что спит человек, шумно во сне дышит, а вот и не сон это вовсе, а кома... И не разбудить его так просто, а может быть, разбудить его уже никогда не удастся...

Доктор протягивает мне кубитальный катетер, который я видела всего второй раз в жизни... Надо установить больному в вену, что бы был постоянный доступ. И говорит мой доктор: парацетам ему ввести 5 кубиков на 10 кубах натрия хлорида (препарат для улучшения мозгового кровообращения, тогда у нас кроме него ничего больше и не было для оказания помощи инсультникам).

Что ж... Тщетно пытаюсь кубиталку поставить. Вены, между прочим, как канаты. Хорошие, четкие, а не ставится кубиталка. Почему? Не знаю. Но не идет она и все тут. Лопается вена. Только вродеходишь, и в один момент – бац! И все – вена лопнула, под кожей расплзается гематома...

Сейчас я, конечно, понимаю, что я делала не так. Нас учили входить в вену сверху, параллельно коже, именно в саму вену, но не говорили, что лучше это делать снизу или сбоку, чуть отступая от нее и захватывая часть кожи около вены,

а не напрямую в нее тыкать, а рядом около вены протыкать кожу и далее уже вести иглу в саму вену. Так чувствуешь, как попадаешь внутрь вены (сопротивление тканей прекращается и ощущаешь, будто иглой попала в пустоту), так надежнее не проткнуть ее насквозь. Эти тонкости познаешь только на практике. Увы, нас учили как-то не так... Причем не только у меня была такая проблема. Эта проблема практически у всех новичков, кто приходит из колледжей. Почему там так учат, ума не приложу. Неужели трудно показать, как надежнее входить, что бы не насквозь.

Недовольно фыркнув, доктор забрала у меня кубиталку и сама поставила ее в другую руку. Я же начала набирать лекарство.

Довольно продолжительное время, месяц с небольшим, у меня никак не выходило быстро вскрывать ампулы, шприцы, набирать быстро препарат. Всегда ковырялась долго. Потом постепенно приоровилась делать это все быстрее и быстрее. Часто резалась краями ампул при открывании, поэтому изобрела свой быстрый способ открытия – через марлевую салфетку. И безопасно, и быстро. Только сначала надо приготовить и вскрыть шприцы, иначе никак. Несколько ампул, которые нужно открыть, оборачиваются марлевой салфеткой, подпиливаются носики и через такую же салфетку одновременно разом все вскрываются. Результат – носики ампул остаются в салфетке и не могут поранить. Как пра-

вило, таким образом одновременно можно вскрыть три-четыре ампулы, главное – крепко зажать их в руке. Это очень экономит время, нежели вскрывать их поодиночке.

И еще была проблема с ящиком, а точнее с быстрым нахождением нужных препаратов в этом ящике. Где и что. Пока найдешь, пока наберешь... Ох, как я ковырялась и копалась там порой... Бедный мой первый доктор... Как я была ужасна...

Ладно. Лекарство найдено, набрано и введено через катетер. Теперь в больницу. Спустилась за волокушами. Вопрос: кто понесет? Нужно четверо мужчин. Наш водитель – раз, сын этого мужчины с инсультом – два, еще двоих надо. Пришлось таскаться по квартирам, звонить, просить, что бы помогли спустить вниз больного. Нашла еще двоих. Честное слово, это было не очень приятно. Ходить, обзванивать квартиры. Кто-то не открывал. Кто-то открывал, но услышав, что надо тащить кого-то, отказывал наотрез. Кто-то говорил, что спина болит или грыжа, или была операция. Где-то открыла еле стоящая пьянь, которая, однако, согласилась помочь, только я ему сама не позволила... В общем, как-то неприятно и немного страшно ходить по квартирам и просить помочь... «Здрасьте. Это скорая вас беспокоит. А мужчины у вас есть? Не могли бы вы помочь нам спустить больного к машине?». Одноподъездная девятиэтажка. Спускать больного надо с шестого этажа. Лифта грузового нет, а в обычный

он на волокушах не влезет... Значит пешком с волокушами. Ладно, нашли, спустили, погрузили, поехали.

В больнице приняли. Расписались в карте. И мы довольные, во всяком случае, я довольная, что все более-менее закончилось хорошо, поехали на подстанцию.

Вернулись около 22. 00. И тут я узнала, что неврологическая бригада, оказывается, работает только до 22 часов, а дальше я переходила на другую врачебную, но уже обычную линейную бригаду, и до 9 утра мне предстояло с ней работать.

Еще в тот вечер было для меня сюрпризом узнать, что, оказывается, после полусуточной смены мы моем машины: моем салон, пол, стены, носилки, сиденья, в общем, все внутри моем сами и тщательно, а наш водитель моет кабину и снаружи автомобиль. Это меня как-то покорило. Странно, почему это мы, врачи и фельдшера, должны сами мыть машину. Для этого, наверное, должен существовать специальный человек, вроде санитаря, что ли, или мойщика. Долго, очень долго я привыкала к этой мойке после смены. Сейчас уже это не кажется таким странным и необычным, а вот тогда...

Диалоги

Что только не услышишь в нашей комнате отдыха, пытаюсь хоть чуть вздремнуть между вызовами.

* * *

Лежу с закрытыми глазами, мечтаю провалиться в бездну сна.

Слышу, открывается дверь, кто-то быстрыми шагами топтал к соседней койке.

– Люд, ты со мной на одиннадцатой. У нас вызов. Держи рецепты, сопроводки. Водитель в машине. Я тебя в гараже жду.

– Угу.

– Не угу, а вставай.

– Да встаю я, встаю. Вот встала уже.

Топот удаляющихся шагов, снова хлопает дверь.

– Господи, ну когда они перестанут вызывать!

Нечленораздельные звуки, сопение, звук падающего стетоскопа, шаркающие шаги, скрип двери.

* * *

Уже засыпая, слышу огромное количество шаркающих, стучащих, быстрых шагов. Или мне кажется, что это табун лошадей топчется в комнате, или это и есть табун диких

необъезженных лошадей.

* * *

Прямо в глаза свет фонарика.

– Ой, извините. А где Звонарева спит, не подскажите? Я тут все койки обсмотрел. Не нашел.

С трудом поняв кто это и что вообще от меня хотят:

– Она в зимнем саду спит. Там ищите.

– Спасибо. Извините.

Это был новенький врач. Своего фельдшера потерял. Теперь бегает по подстанции, ищет. А Светка, пожалуй, уже спит без задних ног. Фиг ее теперь разбудишь.

* * *

– Нет, нет. Надо в больницу! Надо! – голос с соседней койки.

И снова «Нет, нет...». И тишина...

Это наша фельдшер Ирина говорит во сне. Доработалась, бедная. Кстати, она так часто. То в больницу кого-то кладет, то убрать собаку просит, то еще что-нибудь такое учудит во сне. Она лунатик. Как-то ходила тут по комнате среди ночи, гуляла, тоже что-то говорила, а на утро ничего не вспомнила. Девочка-загадка.

* * *

Сквозь сон слышу жуткие звуки, просто страшные, над-

рывные, повторяющиеся, аж в дрожь бросило. Через пару секунд, проснувшись, поняла. Перевозка приехала, точнее, фельдшер перевозки спать легла. Значит, уже три ночи. Вот теперь не уснуть. Когда Таня спит, все остальные не спят. Храпит она так, что стены дрожат, и никакие беруши не помогут. И так до шести утра, когда вызов на гемодиализ придет для перевозки.

* * *

Утро. Светает. Притопала я с надеждой все-таки бросить кости хоть на полчаса. В полудреме слышу:

– Катя, я машину помыла, рецепты в ящике, ящик с доктором в машине. У нас вызов. Съездишь? Доктор разрешил мне не ехать. Там повод – ерунда. У ребенка живот болит. А? А я ящик пополню потом. А?

– Хорошо.

Снова скрип и топанье. Я утыкаюсь в подушку, что бы не захохотать на всю комнату.

* * *

Утро. Начинается пересменка. Вставать не хочется, но надо бригаду сдавать. Рядом на койке спит доктор Настюша. Дверь открывается и входит ее фельдшер. Диалог, после которого я долго давилась от хохота.

Полусонная фельдшер и совсем сонная доктор:

– Насть, машина пополнена в диспетчерской, ящик вымыт

в гараже. Тыфу, наоборот. Ну, ты поняла, о чем речь. Я спать.

– У! Наркота?

– Да. Да.

По-видимому доктор пыталась спросить, кто будет у нее принимать наркотики, но произнесла только это. А фельдшер уже отпала в койку...

* * *

Конец дежурства. Точнее, у кого-то конец, а у кого-то начало. Пересменок. Народ везде. И все бегают, суетятся. Женская раздевалка. Ряды металлических шкафчиков. Из-за одного ряда слышится:

– Тань, зарплату дают? Не в курсе?

– Вчера уже давали. Я узнавала.

С другой стороны доносится:

– Ты где сегодня?

– На двадцать первой

– Одна?

– С ящиком, как всегда.

Где-то сбоку от меня:

– Жуть какая! Как я выгляжу! Всю ночь имели по полной... Глаз не сомкнула.

– А ты где была?

– На пятерке. Достали! Словно и не суббота вовсе.

С другого бока:

– Ты у меня принимаешь?

– Ну, давай, давай наркоту свою. Как отработали?

– Гадко!

По селектору:

– Тридцать восьмая, примите наркотики!

Возглас где-то в начале раздевалки:

– Не успела прийти, уже наркоту суют!

Сзади меня слышно, как срабатывает у кого-то навигатор – пришел вызов.

Кто-то с возмущением:

– Дайте же раздеться, наконец!

Девчонки хором:

– А мы домой!!! Завидуйте!!!

– Счастливые! (с завистью и грустью)

– Ты пришла? Ушла?

– Ушла..., почти..., то есть пробую уйти, не получается.

– А кажется, будто пришла. Свеженькая какая-то. Бодренькая. Всю ночь спали, что ль?

– Это только кажется так...

У входа в раздевалку голос разносящейся по всему пространству:

– Кто еще не сдавал деньги на юбилей Осиповой? По сто рублей. У меня тут список. Я всех записываю.

То тут, то там слышится писк навигаторов. Приходят вызова.

Раздевалка бурлит, живет своей жизнью. Но наступает час, когда она замолкает и все разъезжаются, кто на вызов, а кто домой спать. Тишина и покой воцаряются над металлическими шкафами... Время 9. 20.

Со стороны

На тротуаре возле подъезда со сквозной аркой, в полуметре от стены, ногами к стене, на спине лежит худой мужчина в одних трусах, вокруг его головы расплывается ярко-красная лужа. Подъехал экипаж полиции. Два здоровых мужика вышли из машины, подошли к худощавому телу с красным ореолом вокруг головы и сразу отошли от него. Один из полицейских начал кому-то звонить по мобильному...

Минут через десять прибыла скорая. Белая машина с красной полосой и синим маяком на крыше долго не могла подобраться к подъезду из-за припаркованных автомобилей и нелепо крутилась, пытаясь вписаться в узкий угол...

Когда, наконец, остановилась, то из нее вышли две девушки в синей форме с надписью на спине «скорая помощь»: одна – из кабины с папочкой в руках, другая, уже в надетых синих перчатках и с оранжевым чемоданчиком – из салона и направились к месту, где лежал мужик.

Подошли они к нему, посмотрели. Одна из них, та, что в синих перчатках, поставив желтый чемодан на асфальт, чуть наклонилась над головой мужика с красным ореолом, что-то показала, указывая пальцем на голову мужика, второй девушке, выпрямилась и обе девушки в синей одежде с надписью на спине «скорая помощь» развернулись и пошли прочь от мужика, прихватив свой желтый чемоданчик.

А пошли они к полицейским, тусившим около своей машинки неподалеку, и о чем-то с ними быстро переговорили, после чего девушка, тащившая желтый чемоданчик, отнесла его в салон скорой, сняла перчатки, достала из нагрудного кармана какую-то бумажку и отдала второй девушке из скорой, у которой в руках была папка, и она что-то записывала, попутно разговаривая с полицейскими.

Неожиданно из сквозной арки выскочила женщина с сумками и, пошатываясь и почти оседая, приблизилась к лежащему мужику с красным ореолом вокруг головы, из рук ее выпали сумки, продукты посыпались из пакетов на асфальт, бравые полицейские, увидев это, подскочили и подхватили ее за плечи. Стал слышан приглушенный крик или стон:

– Это мой муж!!! Пустите!!!

Но полицейские почти насильно отвели женщину подальше от тела и усадили на зеленый барьерчик, ограждающий придомовую территорию, спиной к мужику на асфальте.

Одна из девушек из скорой подошла к этой женщине. Она о чем-то с ней переговорила, женщина схватилась руками за голову и стала плакать навзрыд. Тогда девушка из скорой пошла к машине, поковырялась в салоне и в желтом чемоданчике и вышла оттуда с пузырьком чего-то и стаканчиком, водитель из скорой протянул женщине бутылку воды, ей дали выпить что-то из стаканчика и запить. У рыдающей дамы сильно тряслись руки. Девушка из скорой снова ушла к себе в машину, а вторая, та, которая с папкой, что-то стала запи-

сывать и о чем-то расспрашивать женщину.

Тут полицейские стали растягивать красно-белую полосатую липкую ленту вокруг тела, крепя ее на деревья, таким образом ограждая место происшествия. А та девушка из скорой вышла из салона, держа в руках черный мешок, подошла к телу, пригнувшись под лентой, расправила мешок и накрыла им тело от ног до головы, ненакрытым остался лишь красный ореол – не хватило на него этого мешка.

Через минут пять девушка из скорой, та, что с папкой, закончив говорить с плачущей женщиной, кому-то долго звонила по большому и странному мобильнику, что-то записывала снова в папку, а после отдала полицейским какую-то белую бумажку...

Полицейские уселись к себе в машину, работники скорой сгрудились около своей и стали курить и о чем-то оживленно беседовать. После чего сели к себе в машину, включили синюю мигалку и отбыли в неизвестном направлении...

Что сие было? Почему скорая ничего не сделала? Почему девушка из скорой лишь только склонилась над мужиком, лежащем на асфальте и все? И сразу накрыла его черным пакетом? Может быть, его еще можно было спасти, а может быть, он был еще даже жив, а они такие вот, ничего не сделали, а накрыли и уехали. И все только ходили, да ходили вокруг, а полиции вообще ни до кого и ни до чего не было дела – они сели к себе в машину и там и сидели. Почему вот так-то????

Наверное, простой обыватель именно так все и видел, и чувствовал, и думал.

А вот что видели мы, те две девушки из скорой.

Едем на вызов «падение с высоты». Вызывает полиция. Я натягиваю перчатки (примета у нас такая есть: если заранее надеть перчатки, то работать нам не придется), прикатываем на место вызова, вытряхиваемся из машины. Доктор из кабины уже все видит и говорит: «по идее, ящик можно не брать, там голова вся сплющена». Но я все-таки ящик прихватила, потому как все может быть. Мужик, на вид лет 60, лежит на асфальте, голова вся сплющена и раскроена практически пополам, из трещины видны куски костей черепа, а вокруг на асфальте красное желеобразное мозговое вещество.

– Да уж... Смотри, как голову его сплющило-то...

– Интересно, а с какого этажа? – я смотрю вверх, предполагая.

Понятно, что с такими травмами не живут. Головы фактически нет как таковой, поэтому отходим от тела писать карту и констатацию для полиции.

Неожиданно появляется жена, успокаиваем ее как можем, валериана и разные капли намешиваем, расспрашиваем что и как. Ее муж болел Паркинсоном, было уже несколько попыток уйти из жизни, но до сего дня неудачно, и вот сегодня шагнул он с 6-го этажа на асфальт, и весьма плодотворно. Записали, отдали констатацию полиции, покурили, во-

дитель рассказал как раньше вот таких мы сами вывозили в морг (слава Богу, прошли те времена, и сейчас этим занимается труповозка, которую теперь и будут ждать полицейские). Ужаснувшись, удивившись и обрадовавшись, что больше мы не возим трупы, мы вскочили в свою машинку и покатили на следующий вызов.

До и после

На двери на вешалке висит ее выглаженная одежда на рабочий понедельник – строгий деловой костюм.

Это притягивает взгляд, и это делит жизнь на до и после.

До – была еще молодая, возможно жизнерадостная и, видимо, строгая, судя по одежде, бизнес-вумен, четко знающая себе цену, расчетливая и властная, контролирующая и подчиняющая, руководящая и быстрая. До – была мать двух дочек и любящая жена. До – была просто женщина со своими закидонами и тараканами в блондинистой голове. До – она просто была... Гладила и вешала этот костюм, планировала и жила...

И после – лежащая пластом на диване, корчащаяся в судорожном статусе, с плавающим взором, анизокорией и нистагмом, с непонятным мычанием и розовой пеной у рта от прикуса языка, с гемиплегией слева, с дыханием Чейн-Стокса.

Это миг – и нет больше планов, не нужен и не пригодится уже этот костюм, так заботливо висящий на вешалке и ждущий понедельника.

Это миг – и жизнь поделена на до и после...

Это страшно... Уловить этот миг невозврата, этот кон-

траст между той до и теперешней после...

Повод к вызову: «без сознания женщина 48 лет». По приезде обнаруживаем даму, лежащую на диване, бьющуюся в судорогах, кома, нарушение дыхания с остановками, паралич руки и ноги слева (как ни странно, даже во время судорожного приступа левая рука и нога были абсолютно расслаблены), разные по величине зрачки и уплывание взгляда в сторону. Со слов родни, на фоне полного здоровья у женщины заболела голова. Прилегла отдохнуть и, может быть, поспать. Через несколько минут муж услышал какой-то вскрик, пошел посмотреть что произошло, и обнаружил жену без сознания в судорогах, и вызвал нас.

Начали работать. Давление 180 на 100, пульс 110, сатурация 87. Сахар – норма. Судорожный синдром какой-то односторонний, поэтому кубиталка установилась неплохо в ту руку, которую не коржило и которая, видимо, была парализована. Релашка по вене ослабила судороги, и паузы расслабления стали длиннее, и нам даже удалось поставить ларингеальную трубку. Теперь за дыхание можно было не опасаться, потому как я, делая релашку, все думала, остановится она на ней или нет, но обошлось. Теперь, если совсем остановится, то подключим ИВЛ, а пока сама хоть как-то дышит, пусть дышит. На ЭКГ только синусовая тахикардия и все.

Диагноз: нарушение мозгового кровообращения по геморрагическому типу, то есть кровоизлияние в мозг, судоро-

рожный синдром.

Довезем мы ее до больнички или нет? Ха! Довезли! Живой! Причем достаточно благополучно и без приключений в дороге довели. Сдали в реанимацию. Ее сразу потащили на КТ головного мозга. Хотели дождаться результатов, но там что-то уж очень долго, а нас разрывал центр своими звонками, так что не увидели мы кровоизлияние, но оно точно там есть, можно не сомневаться.

Этот вызов заставляет задуматься о миге, который делит жизнь на до и после. Никто не знает кто, когда и как... И надо ценить здесь и сейчас, пока подобный миг не разделит жизнь на до и после...

Мыши! Кругом одни мыши!

«не спеша, не спеша... раздавили два мыша...»

Время 23.10. Держу в руках карту вызова. Повод: плохо, неизвестный мужчина лет 30 (бомж) в подъезде дома 10 по Новопеределкинской улице, вызывает милиция (ну куда уж мы без нее)...

Эх, думаю, очередной бомжара. На улице минус 15, вот и зашел в подъезд погреться, а соседи решили ментов на него натравить, а менты, соответственно нас, так как возиться им с такой красотой совсем не хочется, равно как и нам с этим дурно пахнущим чудом тоже... Ладно, у нас приказ всех бомжей в больницы везти, так что... вперед!

Моя напарница предлагает заранее ему место на носилках обустроить: положить на них одноразовую клеенку и сверху уложить одноразовые простыни, что бы потом просто завернуть бомжика в эту клеенку с простынями – это на случай вшей (что бы не разбегались) да и прочей гадости и вони, и что бы носилки не загваздал и проще было его оттуда в санитарную комнату в больнице свалить. Так и сделали.

Водитель наш не в восторге. Это факт. Едет, ворчит... Дали ему две пары перчаток, себе в карманы по две пары записали, маски нацепили. Я под маску еще ароматизированную салфетку уложила, на случай жутчайшей вони...

Подготовились по полной программе... Почему-то вспомнился фильм Мартина Скорсезе «Воскрешая мертвецов» с Николасом Кейджем. Как они там брали с улицы Мистера Оха (жутко вонючего бомжарку)...

Прикатили... Навигатор пискнул о том, что мы на месте. Ментовская машина у подъезда.

Проходим в подъезд любезно открытый перед нами лейтенантом ГНР (группы немедленного реагирования) ... Снова: «Где? Кто? Что? Показывайте.».

– Вот. Красавчик. – лыбится лейтенант и указывает на кого-то под лестницей в подвал.

А там... Там стоит это чудо. Если честно, я не ожидала увидеть перед собой... хорошо одетого НЕГРА... Вот кого угодно: грязного бомжару с всклокоченными вшивыми волосами, в драной замызганной одежде, но не негра, к тому же в очень приличной теплой куртке, шапке, с кожаной сумкой, лежащей рядом на полу...

Негр стоял, прислонившись к стене, и что-то бормотал. Руками он то и дело хватался за свою ногу, закатывал штанину и сдирал что-то с ноги, ожесточенно бросал на пол и начинал это смачно топтать, приговаривая что-то на незнакомом языке.

– Его соседи из 8 квартиры обнаружили. Он бегал по подъезду, орал, потом забился под лестницу. Нас вызвали. Он говорит что-то, только мы не можем понять. Но ему явно плохо. Да и холодно здесь. Оставлять его нельзя.

Менты четко намекали на то, что бы мы его быстро забрали к себе, и на этом бы все закончилось для них.

Начинаем расспрос, осмотр и делаем это принципиально в подъезде при ментах, поскольку поведение негра как-то настораживает и наводит на очень странные мысли.

Оказалось, негр прекрасно говорит по-русски. Зовут его Ганг. Ему 28 лет. Он гражданин Гвинеи. Здесь учится в университете Патриса Лумумба на юриста. Живет у метро Октябрьская в доме при посольстве... Все четко, логично. На вопрос что он тут делает в подъезде не отвечает, бормочет что-то непонятное на своем языке. Во время разговора постоянно топчет пол ногами, давит что-то на полу, закатывает то одну штанину, то другую, проводит какие-то манипуляции руками, пальцами, как будто что-то отрывает от ног и что-то бросает на пол и снова давит ногами, топчет.

– Что ты делаешь?

– Здесь мыши!

– Где?

– Здесь!!! Мыши!!! Они повсюду! – он тычет пальцами в пол, на стены. – Мыши!!! Они на мне! – он снова отрывает что-то от своих ног, от своей груди и кидает на пол, и топчет, топчет...

– Ты пил водку сегодня?

– Нет. Сегодня нет. Вчера пил. Много пил.

– Наркотики? Таблетки?

– Нет. Я этим не увлекаюсь.

Пока говорит, снова топчет своих мышей... Глаза полны ужаса. На лице гримаса страха. Он и вправду их видит. У него очень реалистичные глюки.

Осмотрели руки – следов уколов нет, но иногда наркуши маскируют их – колют в живот, в ноги, в пах... Осмотрели – нет уколов. Давление 150/90. Травм нет. Ни синяков, ничего. Чистенький, ухоженный. Все хорошо, кроме глюков.

Менты в нетерпении... Им очень хочется быстрее спровести этого парня нам и укатить, но все затягивается.

Мы с моей напарницей Татьяной переглянулись. Здесь все понятно. «Белочка» пожаловала...

При обнаружении больного в состоянии острого психоза на улице или в подъезде, или в другом общественном месте по приказу (опять эти чертовы приказы) мы должны отвезти его в отделение милиции, куда вызвать психиатрическую бригаду, и они уже его отвезут по своему профилю в психиатрическую больницу. Сами мы не имеем право его госпитализировать куда-либо если нет травм и у него только психоз.

Все это мы высказали ментам, и те были сильно недовольны, но им пришлось согласиться с нами, потому что другого выхода убрать этого негра из подъезда не было.

– Пойдем, Ганг, покатаемся.

Мы подхватили топчущего своих мышей «бельчонка», его сумку и повели в нашу машину, а милиция отправилась в свою. И с таким эскортом поехали в отделение.

Ганга усадили в боковое кресло. Строго наказали сидеть

и не топтать здесь мышей.

Пока ехали в ментовку, вызвали психбригаду.

Сначала негр сидел смиренно, лишь испуганно озираясь. Потом ему приглянулся наш медицинский ящик. На нем, оказывается, тоже сидели мыши. Еле успели вырвать, иначе бы затоптал насмерть...

Ждать психов решили в нашей машине. Просто неохота было идти в само здание отделения милиции. В машине как-то спокойнее. Поставили ее во дворе среди ментовских машин и приготовились долго ждать, очень долго. Психиатрическая бригада – это особая каста медиков, которую все лелеют и боготворят и если вызывают на себя, то ждут не менее двух, а то и четырех часов. Так что мы с Татьяной приготовились ждать бригаду достаточно долго, прокручивая в мозгах, чем бы занять нашего негра, что бы он всю машину не затоптал.

Прошло десять минут. Татьяна пишет карточку, я ковыряюсь с рецептами. Ганг сидит пока спокойно, лишь изредка перебирает свою одежду и что-то с нее сбрасывает на пол нашей машины, иногда то одной, то другой ногой давит своих мышей, но пока все тихо, мирно.

В какой-то степени смешно смотреть на него, и иной раз хочется сказать: «Да не бросай ты своих мышей на пол, а то уже и по нам они прыгают, пищат и злобно так улыбаются...». Бред заразителен! Мне смешно было смотреть на все это. Но в то же время и страшно. Кто знает, что ему еще

привидится. Может мы ему покажемся кустами с щупальцами, и он в своем бреду набросится на нас... Мы осмотрели его одежду и даже его сумку. Слава богу, колюще-режущих предметов не обнаружили, но негр все-таки достаточно внушительных размеров по сравнению с нами, двумя пятидесятикилограммовыми девчушками. Правда, есть водитель, но он там у себя в кабине сидит, а мы с Татьяной с больным в салоне...

Тридцать минут... Гангу мерещится змея...

– Там! Змея! Дайте ножницы! Я ее отрежу!

Он кричит, указывает на что-то под нашими носилками. Лицо искажается от ужаса. Он и вправду все это видит в своих мозгах... Жутковато...

Сидит на кресле, поджав под себя ноги, и таращится куда-то под носилки. Бормочет что-то на своем языке...

– Нет там никого. Ганг, успокойся!

– Там змея!

– Нет там змеи. Видишь, нет никого

Я приподнимаю простынь на носилках:

– Нет никого. Видишь.

– Там, внизу!

– Нет там никого.

– Дайте ножницы!

– Тебе не нужны ножницы. Успокойся.

Он снова начинает топтать пол и давить на нем кого-то, видимо, снова мышей.

– Прекрати топтать!

– Мыши!

– Нет мышей. Здесь никого нет.

Я еле успеваю отодвинуть наш ящик, поскольку опять, видимо, его атаковали мыши. Медом (точнее сыром) там, что ли, намазано, раз они так его облюбовали...

Немного потоптав своих мышек, Ганг успокаивается. Ух... Слава Богу!

Сорок пять минут... Снова что-то не то. Негр вертится на кресле. То туда, то сюда. Потом приподнимается.

– Сиди на месте! Успокойся! Там никого нет.

Он снова сел, потом опять приподнялся. Глядит куда-то в дальний угол машины за моим сиденьем.

– Мои соратники.

– Нет там никого.

– Вон там! Это мои соратники! – он вскакивает.

– Сядь! Я тебе сказала! Сядь!

Садится, но еще тарашится в тот угол. Потом переводит взгляд на свою одежду и снова с нее начинает скидывать своих мышек... Ох... Понесло... Пока...

Прошел час... И... О, чудо! Дверь нашей машины открывается. Психи! Как я рада и счастлива их видеть! Ну, прямо расцеловать всю бригаду хочется. Только вместе с негром в психушку тогда загремлю...

Доктор психиатр – хрупкая девушка лет тридцати на вид и два здоровенных лба – санитаря, плюс водитель, тоже

не маленький детина... Всё. Негру конец пришел и его мышам, змеям и соратникам тоже.

Доктор села в нашу машину и стала обследовать Ганга по полной психиатрической программе. Минут сорок длилось это обследование. В ходе которого она задавала всевозможные вопросы про то, что он видит, про то, что он вчера пил, про то, было ли с ним раньше такое, что он видел этих мышей, змей. Предъявила ему чистый белый лист бумаги, и на нем наш «бельчонок» снова увидел своих соратников и даже чью-то голову...

– Да, он наш, – был вердикт психиатров.

А то сомневались! Конечно, ваш.

Санитары под руки вывели Ганга из нашей машины и усадили в свою.

На этом все и закончилось...

Приехав на подстанцию, мы еще долго всем рассказывали, что в нашей машине обитают и мыши, и змеи, и даже соратники – негры из Гвинеи... Во как! Целый зверинец. И все в одной машине скорой.

Сто таблеток коринфара

На часах 22.30. Только что сдала полусуточную дневную смену.

Диспетчера на ночь поставили с классным доктором, знающим молодым парнем, давно работающим на скорой. Я радостная, держу в руках вызов в предвкушении крутой ночной смены и с мыслями: «Да мы всех просто залечим сегодня!».

Повод к вызову: «болит живот» у девочки 27 лет. Вызывает мама. В голове моей проносится: «наверняка гинекология или пищевая токсикоинфекция, лучше бы второе – поехали бы в инфекцию, по пути карточки бы дописали (смотрю доктор не успевает их строчить – целый ворох накопил), поболтали бы, музыку послушали бы, а может там банальный аппендицит..., тоже не плохо».

Вообще-то лучше не гадать заранее, что там на вызове – обязательно будет что-то такое, что и не предполагалось. Я это знала, все это знали, но... мыслям-то не прикажешь. Доктор Леша тоже обрадовался такому поводу. Хотя немного передохнуть по пути в больницу и обратно, а то без заезда с обеда мотается, а может даже получится и время чуть украсть (хоть пять минут) – кости бросить (т. е. прилечь), но это если сильно повезет... Вот с такими мыслями мы и ехали на тот злополучный вызов.

Второй этаж московской задрипанной пятиэтажки встретил нас неприветливо темнотой и запахами кошачьей мочи. На лестнице хоть глаз выколи. Трудно лампочку вкрутить, что ли?

Дверь открыла взволнованная женщина средних лет.

– Проходите. Она там, в спальне.

Проходим по мрачному коридору, заставленному какими-то коробками, детскими вещами, велосипедом и детской коляской. Где-то в глубине коридора слышится приглушенный женский крик. В нос ударяет запах нашатыря. Я уже на рефлекс смотрю, где какие комнаты и кто в них. Две комнаты закрыты. Кухня – там мужчина.

Отмечаю это у себя в голове.

Входим в хорошо освещенную комнату (наконец-то!). В центре большая двухспальная кровать, покрытая зеленым покрывалом. На ней лежит девушка. Лицо бледное, словно лист бумаги. Девушка то лежит спокойно с закрытыми глазами, то начинает метаться по кровати с нечленораздельными воплями и криками. Кое-что из ее крика понять можно.

– Больно! Больно! Не могу!!! Ааа!!! ААА!!!

Дико и страшно кричит. Будто не человек вовсе, а раненый зверь. Потом замолкает, затихает на пару секунд и опять.

Рядом с кроватью (почти вплотную) стоит маленькая детская кроватка. В ней, как ни странно, спит ребенок примерно шести месяцев от роду и даже не реагирует на душеразди-

рающие крики. По другую сторону еще одна кровать, чуть побольше. В ней никого.

– Что случилось? – спрашивает Лёша у матери.

– Она вот так уже час кричит. Вроде бы на живот жалуется. Говорит, что болит живот.

– А нашатырем пахнет. Она сознание теряла?

– Не поняла я... Она отключалась ненадолго... Я ее нашатырем... Вот, вроде бы пришла в себя...

У меня сразу мысль мелькнула о внематочной беременности и разрыве трубы. Очень похоже по клинике... Но, как потом оказалось, я сильно ошибалась.

Метания по кровати и крики девушки продолжались.

– Маша! Маша! Не надо так кричать, – попыталась успокоить ее мать. – Врачи приехали.

Кое-как с большим трудом удалось поймать Машу на кровати. Пока мать и я удерживали ее, Лёша измерял давление.

– Черт! 40/0. Маша! Что болит? Ты слышишь меня?

– Живот!!! ААА!!! ААА!!!

– Где? Покажи рукой.

Маша обвела рукой весь живот.

– Давно?

– Да!!! Я таблетки пила! ААА!!!

– Какие таблетки?

– Там, на столике! ААА!!!

Маша вырвалась из наших рук и снова продолжила метаться по постели и орать жутким голосом от которого

в ушах звенело.

Мы окинули взглядом столик у окна. Там и вправду был какой-то флакончик. Лёша схватил его. Я увидела, как он напрягся, читая название.

– Ты выпила их? Все? – его голос сорвался. – Отвечай! Ты их все выпила?

Он подскочил к Маше и стал ее трясти.

Она заорала так, что на улице было слышно.

– Да!!! Все!!! Не хочу жить!!! Я умереть хочу!!! ААА!!!

– Когда ты их выпила? Слышишь? Когда? Сколько времени прошло?

– С шести вечера пью!!! Я умереть хочу!!! Отстаньте от меня!!! ААА!!!

И снова этот крик.

Лёшин голос:

– Ну и дура! Какая же ты дура!

Пузырек полетел в неизвестном направлении.

– Она сто таблеток коринфара выпила. Весь флакон! Ставь кубиталку, капельник. Я за промывалкой в машину.

Легко сказать... Ставь... Ага... Кое-как мать Маши скрутила свою дочку.

– Нет!!! – орала Маша. – Нет!!! Я умереть хочу!!!

При таком давлении поставить венозный катетер и так проблематично, а тут еще эти телодвижения, этот жуткий крик.

– Саша, иди, помоги!

Прибежал мужик с кухни. Машин отец. Вдвоем им удалось скрутить ее, но вен на периферии почти не было.

Как мне удалось установить катетер в локтевую вену сама не пойму. Бывает такое отчаяние, когда думаешь, что уже все, а оно вдруг раз и получается.

Тут примчался Лёша с промывалкой (желудочный зонд и воронка) и реанимационным набором. Наивные, мы полагали, что еще что-то в желудке осталось... Она ведь ела эти таблетки около четырех часов... Все уже давно было в крови. И это чудо, что она еще жива и в сознании. Молодой, крепкий организм и компенсаторные реакции еще кое-как справлялись.

Быстро собрала капельник. Флакон физраствора плюс допамин (препарат повышающий давление). Подключила. Машу удержать почти невозможно. Тем более родителям. Но если ее отпустить, она вырвет капельницу. Силища у нее невероятная, хотя вроде бы и худенькая девушка. Откуда только берется...

– Надо промывать! – Леша собрал промывалку.

Я притащила откуда-то из ванны ведро воды и пустой таз. Сама даже не пойму, как нашла все это.

Вдруг одна из дверей в соседней комнате открывается, и из нее выходит ребенок. Девочка в синей пижаме, на вид лет пяти. Подошла к нам. Внимательно посмотрела на всех: на нас, на мать свою, скрученную на постели и орущую благим матом. Все замерли. Немая сцена. И вот девочка среди

всего этого хаоса произносит.

– Моя мама умрет! Она умрет! Я это знаю.

Я хватаю ребенка, вталкиваю ее обратно в ту комнату, откуда она пришла, закрываю дверь и прижимаю ее стулом. Да, грубо. Да, жестоко. Но ребенок не должен этого видеть. Она не должна видеть, как умирает ее мать и что мы собираемся с ней делать.

Машу держат все, и все равно ей удастся вырваться. Я не могу понять, откуда в ней такая сила, что трое взрослых людей не могут ее удержать.

Снова скрутили. Пытаюсь запихнуть ей в рот зонд. Закусывает, зараза! Челюсти так сомкнула – не разжать ничем. Мычит только и головой крутит.

Лёша хватает ларингоскоп. Пытается им разжать челюсти. Не получается.

– Бесполезно! – он сдается. – Все. Я запрашиваю место на госпитализацию.

Но Машу еще не отпускаем. Боимся, что сорвет капельницу. Она орет и извивается.

– ААА!!! ААА!!! ААА!!!

Нам дали Склиф. Приволакиваем в квартиру носилки. Кладем на них нашу больную, и тут я замечаю, что Маша уже чуть успокоилась. Может поняла, что мы от нее отстали, или уже силы начали покидать ее. Немного, совсем чуть, посопротивлявшись и чуток покричав, она укладывается на носилки, с которыми мы устремляемся вниз к машине.

Быстро переключаем в машину.

– Боря! Бегом в Склиф! На всех порах! Мигалки! Сирена!

Бегом, слышишь?

Водитель, кивнув, берет за штурвал, то есть за руль.

Родню не берем с собой намеренно. Никто не знает, что будет в пути. Не стоит им на это смотреть.

Загрузились все в салон. Маша притихла. Не к добру это... Но пока еще дышит. Помчались.

Леша сидит на кресле у изголовья. Я сбоку на скамейке. Достали кислород, наладили. Мешок Амбу наготове лежит рядом на носилках.

Смотрю на Машу. О, блин! Она не дышит. Лёша бьет кулаком в стекло перегородки кабины водителя.

– Стой! Стой! У нас остановка!

Резкое торможение. И мы встали.

Надо интубировать. Бью прекардиальным ударом (резкий удар кулаком по груди). Иногда это срабатывает и при остановке дыхания, но не сейчас. Нет дыхания и все тут.

Реанимационный набор. За секунду собран ларингоскоп. Лёша пытается ввести трубку.

– Связок не вижу! Черт! Есть! Все. Ввел. Дыши мешком.

Подключаем мешок Амбу. Дышим. Нет эффекта.

Меняемся местами. Лёша качает (непрямой массаж сердца). Я дышу мешком. Время, время... Маша синееет. Через пару минут вижу, вроде бы поддыхивать сама начала.

Щупаем пульс. Есть! Слабый, но есть. И поддыхивает са-

мостоятельно. Вроде бы вытащили. Адреналин льется рекой. Шприцы и ампулы раскиданы по всей машине. Неужели вытащили. Самим не верится в это.

– Поехали!

Рывком тронулись. Скорость с которой мы летели, видимо, была не шуточной. Слава Богу, что была уже почти ночь. Машин мало. Мельком я бросала взгляд в окно. Мимо проносились перекрестки. Мы на них даже не притормаживали. Сирена глушила наши уши. Все вокруг тряслось. Я подпрыгивала на ухабах, исправно нажимая на мешок Амбу каждый раз, как Маша переставала дышать. Это помогало. Но надолго этого не хватит. Были моменты, когда она опять полностью останавливалась, и тогда Леша снова качал, а я дышала. Был израсходован весь адреналин из ящика.

Неожиданно резко взвизгнули тормоза. Мы у приемного Склифа. Слава Богу!

Выкатываем носилки, одновременно пытаемся дышать и качать, так как Маша снова остановилась. Несем с носилками по коридору, даже не замечая охраны, не слыша их криков.

Лёша резко рывкнул:

– В блок! (т. е. блок интенсивной терапии).

Но мне кажется, и так всем все было ясно. На носилках заинтубированная, уже посиневшая девушка. Очень трудно бежать, одновременно везти носилки и одновременно с этим качать сердце и дышать мешком. Очень трудно. Пот стру-

ится по спине. Коридор такой длинный. Ну вот, наконец, и БИТ.

Открываем дверь, вваливаемся. Все, доехали!!!

– Ну что вы нам тут привезли? – врач БИТ уставился на Машу. – Так она же труп уже.

– Она поддыхивает сама. Смотрите. Она не труп. Пока...

Мы перестали за нее дышать. И правда, Маша сделала попытку вдохнуть сама. Мышцы немного напряглись.

– Ладно. На монитор ее!

Перекладываем на кровать с кардиомонитором и ИВЛ.

Вот это да! Сердце бьется. Ритм, правда, плохой, неправильный, идиопатический, но оно же бьется. Она жива! Даже дышать сама пытается.

Объясняем все врачу, говорим что мы делали и как.

Врач БИТ вздыхая, глядя на монитор:

– Синдром умирающего сердца. Ладно, оставляйте ее здесь. Будем ждать. Здесь уже сделать ничего нельзя.

Забрав свою каталку и мешок Амбу, отправляемся в любезно предоставленную нам ординаторскую комнату для того, что бы немного перевести дух, привести себя в порядок и написать сопроводок и карточку.

Через два часа Маша умерла... У нее осталось двое маленьких детей...

Вилка в голове

Зимняя морозная ночь. Работаю на травматологической бригаде с очень крупным и колоритным доктором (а только такие и работают на травме) Сергеем. Вызов в пятиэтажку. Слава Богу, первый этаж. Повод – травма головы. Ни возраст, ни пол не указаны. Квартира 3. И все на этом. Вызывают менты. Ну куда ж мы без нашей родной милиции. Везде нос свой сунут и нас вызовут. Это стабильно. И так всегда.

Приехали. У подъезда стоит ментовская машина. Не глядя на неё, поскольку очень хочется высказать им все, что о них думаем в столь поздний час, а делать этого, естественно, нельзя, все мы выполняем свою работу, входим в подъезд.

Нас встречают двое милиционеров.

Мы: «Где? Что? Показывайте».

Они: «Ехали мы вдоль улицы, слышим крики доносятся из окон первого этажа. Подъехали поближе, оказалось, женщина из окна сквозь металлическую решетку тихо так (на всю улицу) зовет нас и просит помочь. Ее муж запер в квартире, сам лег дрыхать в соседнюю комнату, а ключи она найти не может. С мужем поругалась, говорит, что он ее побил. Вот мы вас вызвали. Посмотрите что с ней».

Интересно, а как мы посмотрим через закрытую дверь-то... Немая сцена. Менты молчат. Мы чешем репу и думаем,

как пробраться в запертую квартиру, да и надо ли вообще это делать.

– Она хоть там живая? Разговаривает?

– Да, ее можно позвать через дверь, только что с нами говорила. Можно через окно, но там решетка стальная и почти ничего не видно, да и подойти к окну трудно – сугробы мешают.

– Эй, там, за дверью, ты слышишь меня? – начал Серега.

– А? Кто это? Кто, кто?

– Скорая это. Чего орешь, людей пугаешь? Милицию всю всполошила.

– Муж меня избил и запер.

– Сильно избил?

– Не слабо...

– Что болит-то?

Диалог происходит через закрытую дверь. Голос у женщины умеренно пьяный.

– Голова болит. Он по голове бил.

– Тошнит? Рвота была? Голова кружится?

– Нет. Там в голове вилка.

– Что? Я не понял? Он тебя вилокй бил?

– Да. Он мне вилку в голову воткнул. Она и сейчас там.

Все притихли. Снова немая сцена. Один из ментов присвистнул.

– Во те на!

– Чего прям вилка в голове? – недоверчиво спросил Сер-

гей.

– Ага. Может мне ее вынуть?

– Нет! Нет! Только не вынимай! Не трожь ее даже! И вообще, возьми стул и сядь рядом с дверью. – Сергей напрягся. – Кровотечение-то есть? Голова не кружится?

– Да вроде нет. Не пойму. Здесь темно. Только бы муж не проснулся. Он меня тогда вообще убьет.

– А он где?

– В другой комнате спит.

– Пусть спит. Ты села на стул?

– Да.

– Вот так и сиди и говори с нами. Зовут-то тебя как?

– Катя. А дверь вы откроете?

– Откроем, Катя, не волнуйся. Откроем.

Сергей обратился к ментам, которые стояли и с удивлением слушали этот разговор:

– Службу спасения вызывайте. Дверь ломать надо. Если у нее реально вилка в голове, то это очень скверно. Смотря, куда она проникла. По идее, она уже с нами бы не говорила, если бы вилка прошила ее голову, но кто знает... Похоже, она не врет.

Пока ехала служба спасения, милиция вместе с нами толкалась у дверей 3 квартиры, пытаясь выяснить, что и как происходило. Мы старались поддерживать с Катей хоть какой-то контакт – пусть говорит, пусть ругает мужа. Главное, чтобы не молчала. Травма головы, тем более такого рода, когда

в черепе инородное тело, очень опасна и чревата развитием комы. Этого, собственно говоря, мы с Сергеем и опасались.

Оказывается, Катя вместе с мужем квасили на кухне, и что-то там кто-то из них сказал обидное, слово за слово, и в голову Катерины полетело первое, что оказалось под рукой ее мужа – вилка, после чего мужичок удалился в другую комнату спать, а Катя решила уйти из дома, но ключи не нашла, а будить мужа не рискнула.

Служба спасения возилась с добротной дверью минут сорок. Грохот стоял на весь подъезд, да что на подъезд, на весь дом. Дверь железная, сейфовый замок. От такого грохота уже под конец операции проснулся Катин муж.

– Вы что там делаете?! Вы зачем дверь ломаете?!

Под напором болгарки дверь открылась.

На пороге в темном коридоре стоял пьяный мужик, сзади него тихонько выглядывала заплаканная Катерина.

Менты прорвались в дверь первыми. Кинувшись на мужика, они отволокли его в комнату, а мы выволокли Катерину из квартиры на освещенную лестничную клетку.

Из головы Катерины реально торчала вилка. Зубцы до основания ушли в черепную коробку в области теменной кости.

Далее следовал непечатный возглас Сергея.

Наложив повязку вокруг вилки, по возможности закрепив ее так, что бы вилка не сместилась, и запросив место на нейрохирургию, мы отправились в больницу. Всю дорогу Катя

была в полном сознании и с идеальным давлением 120/80.

Уже потом специально узнала, что Катерина была успешно прооперирована, вилка вынута без последствий.

Загадочная смерть

В тот день работала я с доктором, женщиной средних лет, очень опытным профессионалом с большим стажем на скорой.

– Сто двадцать третья! У вас вызов! – заорал загробным голосом селектор.

Это нам. Диспетчера всунули мне в руки карточку. Повод к вызову: «без сознания», женщина 52 года, вызывает дочь.

«Скверно» – подумала я. Возраст молодой. Это либо инсульт с комой, либо констатация, хотя может быть что угодно, лучше, конечно, не гадать, но мозгам не прикажешь – постоянно продумываешь, что там может быть...

На всякий случай захватили с собой на вызов реанимационный набор, кислород и волокуши.

И вот мы, обвешанные аппаратурой, стоим у порога квартиры.

Я всегда обращаю внимание на то, как выглядит входная дверь в квартиру, куда нас вызывают. По ее внешнему виду можно почти с достоверной точностью сказать о том, кто там живет (пьянь, наркуши или приличные люди) и есть ли в квартире собаки (наши враги). На этот раз дверь железная, добротная, однако ручка двери валяется на полу, замок выломан, сама дверь погнута и приоткрыта. Все указывало на то, что ее взломали. Мы аккуратно, предварительно вы-

ставив вперед наш огромный двадцатикилограммовый ящик (если что, его можно метнуть в противника, а самим бежать), звоним в дверь.

Нам открывает молодая женщина.

– Проходите. Она там.

Квартира двухкомнатная. На кухне кто-то есть, кажется, это мужчина. Нас проводят в гостиную. Там на диване лежит женщина, одетая в белую вязаную кофточку и черную юбку, на ногах белые блестящие туфли, вся такая праздничная, сверкающие серьги, макияж. Именно за макияжем мы не сразу поняли, что перед нами труп. Проверили зрачки, пульс. Нет. Зрачки широкие, пульса нет, дыхания тоже, трупное окоченение уже выражено достаточно хорошо, даже в конечностях.

Труп женщины лежал неестественно прямо на диване, в пальцах левой руки был зажат стакан с водой, а в правой – пачка таблеток валидола. Вот так труп и лежал – в одежде и со стаканом и таблетками в руках. Глаза закрыты. Ощущение было такое, что женщина просто уснула на диване.

На наших лицах недоумение. Что это? Сердечно-сосудистая недостаточность или криминал стал причиной ее смерти. Определить это должны были мы, поскольку что-то ведь надо написать в бланке констатации в графе причина смерти. Пока, стоя над трупом, мы размышляли, что же все-таки с ней произошло, из другой комнаты послышался возглас дочери.

– Деньги пропали! Все деньги и шкатулка! Все пропало! Стали расспрашивать дочку.

Оказалось, что ее мама вчера весь день и вечер не отвечала на звонки (дочь живет с мужем в другой квартире). Сегодня утром приехали к матери, дверь никто не открывал, и поэтому они позвали слесаря и решили ее взломать. И вот обнаружили ее лежащей на диване и сразу позвонили в скорую.

– Пропали деньги. А может быть, она сама их куда-нибудь перепрятала? Уж и не знаю. Всегда деньги и шкатулка с драгоценностями лежали в ее спальне, а теперь нет.

Мы опять в недоумении. Криминал? Все-таки похоже на криминал.

Осматриваем труп в поисках каких-либо повреждений, посторонних запахов. Может в стакане яд? Стараясь при этом не сдвигать труп, можно сказать, пытаемся не прикасаться к нему, а только осматриваем. Телесных повреждений нами не было обнаружено, посторонних запахов тоже. Единственное, что немного привлекло наше внимание – это небольшая подушка, которая лежала у изголовья трупа. Кажется, на ней малюсенькое красное пятнышко не то крови, не то сока, может быть вина, может быть еще чего-нибудь. Совсем крохотное. Что это сказать было сложно. А на трупе ни пятен, ни кровоподтеков, ни гематом или еще чего-либо нет. Чистая кожа, макияж, будто только что наложенный. Все так аккуратно, стильно.

Сердечно-сосудистая недостаточность? В руке у нее таблетки валидола в упаковке. А почему в стакане вода? Таблетки ведь рассасывают под языком, а не запивают водой. В общем, загадка. Да и зажат стакан как-то уж очень сильно в пальцах. При смерти мышцы расслабляются, и стакан уж точно должен был выпасть из рук.

Звоним в милицию. Только они могут точно сказать, криминал это или нет. А пока их ждем, пишем констатацию и описываем труп и все обстоятельства его обнаружения. Буквально через пятнадцать минут приехали менты. Тоже, как и мы, осторожно осмотрели труп, походили вокруг него.

– Что-нибудь пропало?

– Деньги. Но, может, мама просто их переложила в другое место.

– Ищите, но, похоже, это криминал. Сейчас опергруппа придет. Они точно скажут.

Ждем опергруппу. Я думаю, что мы уже основательно потоптались у трупа и затоптали все следы. Если это криминал, наверное, нельзя было так делать...

Через десять минут эксперт, девушка на вид лет двадцати, начала осмотр трупа. Сначала все очень долго фотографировала, потом давай труп двигать, поднимать, ощупывать, осматривать, руки, ноги сгибать, разгибать. Колдовала над ним долго, потом вышла к нам.

– Ее убили. Задушили подушкой. Потом труп вымыли, одели, наложили макияж, положили на диван и заложили

в пальцы стакан и пачку таблеток.

– Так, идем по соседям. Может, кто что-нибудь видел, – обрадованно заявили менты и вереницей расползлись по подъезду.

Вот загадка и разрешилась. А мы – сердечно-сосудистая недостаточность, сердечно-сосудистая недостаточность... Убийство это. Но странно, при удушении петехиальные кровоизлияния в белки глаз происходят, а тут их не было... Может, не всегда так бывает.

В общем, написали мы констатацию на криминал и уехали восвояси.

Уже потом, по прошествии нескольких недель, об этом убийстве писали в местной газете.

Оказалось, что женщину убил и ограбил ее сожитель. Они всю ночь квасили у нее дома, и что-то там у них произошло, после чего мужчина набросился на нее и задушил подушкой, а потом помыл ее, покрасил и все обставил так, будто ей стало плохо, и она пыталась выпить таблетки, но не успела. Но он не учел того, что валидол не запивают водой, а рассасывают под языком. В общем, не грамотный попался убийца. Его практически в тот же самый день, когда мы констатировали труп, поймали. Бдительные соседи видели, как вечером кто-то приходил к женщине в дом, и узнали в нем ее бывшего любовника, что соответственно и рассказали ментам.

Первая смерть

У каждого медика когда-то это происходит впервые. Самая первая не забывается. Вот и я о той самой первой помню, словно она была только вчера, а ведь прошло уже много лет...

Итак, произошла она 23 января 2004 года в 19. 35 минут. Мужичок 53 года. Вроде давно, а кажется, будто только вчера это было. Кто-то когда-то еще на практике мне сказал, что первая смерть не забывается никогда. И правда... Помню и возможно буду помнить ее всегда. Отработала на скорой я тогда только полгода. Умела и знала, как мне казалось, практически уже все, побывала в разных переделках и плохих и хороших, работала часто одна, даже специально просила ставить одну, что бы уму разуму набираться, руку набивать и опыта поиметь...

И вот весь тот день я работала в одиночестве. И как-то день не задался с самого начала. Какой-то сумбурный, напряженный. Не люблю такие смены. Вызова сыпятся один за другим, вздохнуть некогда.

Получаю по телефону, отзваниваясь с предыдущего вызова (тогда еще не было навигаторов и приходилось каждый раз после окончания обслуживания вызова звонить по телефону или по рации и говорить, что бригада свободна), и вот, получаю я вызов с поводом «бронхиальная астма» у муж-

чины 53 лет, улица такая-то, дом номер такой-то, квартира такая-то... О! Потираю руки в предвкушении. Это хорошо! Давненько у меня не было бронхиалки. А то бабульки с давлением, да алкаши всякие, а тут хоть нужный вызов.

Приехали быстро. Пятиэтажка. Второй подъезд. К машине бегут какие-то люди. Машут и кричат «Сюда!». И показывают на грузовой автомобиль типа Камаз, стоящий во дворе. Я думаю: «Да что такое? Ведь вызывали на квартиру, а тут автомобиль, улица...».

Вылезла из машины, спросила они ли это вызывали на бронхиальную астму. Оказалось – они. Просто мужчине стало плохо в тот момент, когда он заводил автомобиль, и он не смог подняться к себе в квартиру, а вызвала скорую жена, а вот почему она вызвала на квартиру, так и непонятно. Может, думала, что он все-таки туда поднимется рано или поздно, или его туда дотащат. Мужчина живет в этом доме во втором подъезде, на втором этаже. Тем не менее, то, что больной находился на улице, а не в квартире, осложняло мою работу. Зима. Мороз минус 17. На улице темно. Кое-как во дворе тускло светят немногочисленные фонари.

Иду в грузовую машину смотреть что же случилось с мужичком.

Очень колоритный мужчина почти лежит на руле. Шумно дышит. Это все, что я смогла увидеть в полумраке и тусклом свете фонаря. Обследовать непосредственно в машине у меня просто не было никакой возможности. По идее, я да-

же толком туда и забраться-то не смогла. Кое-как пощупала пульс. Вроде бы есть, но очень слабый.

– Что ж..., давайте переложим его ко мне в машину, – обратилась я к рядом стоящим мужикам, видимо друзьям больного. Там хоть был нормальный свет, тепло и можно раздеть и осмотреть мужичка.

Недолго думая, перенесли мы его на носилках в мою машину... Мужик очень крупный, массивный, килограмм под 140 будет. Одет в толстую дутую куртку.

Пытаюсь вытащить руку из рукава этой самой куртки, что бы хоть давление померить. Тут дверь в машину открывает жена больного:

– Ему надо капельницу с эуфиллином сразу ставить! Почему вы еще ничего не сделали?! А?

– Выйдите, пожалуйста. Дайте мне его осмотреть.

Но жена даже и не думает выходить. Раскрыла настежь дверь машины и все свое:

– У него бронхиальная астма! Ему нужен срочно эуфиллин! Делайте же!

Я молча измеряю давление. А его-то и нет. Вообще. Ноль на ноль.

Мужик белый, с мраморным оттенком кожи, потный, дышит шумно, через раз. Апноэ (остановки дыхания) выдает.

Расстегиваю ему воротник на рубашке, ковыряюсь и воюю с огромным количеством свитеров, маек. Одет он словно капуста. Пытаюсь добраться до грудной клетки и послу-

шать что у него там с легкими и... Шея-то у него синяя... Вены шеи надуты. Синева расплзается на лицо. Вдруг мужичок напрягается, все лицо синеет, потом становится мраморным..., на брюках расплзается лужица мочи... И все. Остановка дыхания. Нет пульса на сонной.

Жена, видя все это, орет:

– Он не дышит! Разве вы не видите??? Он не дышит!

Черт! Я одна. На этой бригаде нет мешка Амбу и из реанимационного набора один только воздуховод (тогда, в 2004 году, мы все так и работали – на бригадах ничего толком не было для реанимации). Вставляю воздуховод в горло мужику. Кричу жене, что бы замолчала и помогла мне. Говорю, что бы дышала в этот воздуховод. Сама набираю адреналин и атропин. Колю куда-то в руку, пытаюсь в вену, но вен уже давно нет. Куда попадаю не знаю. Мозгами понимаю, что все бесполезно. Что это тромбоз эмболия. Явный тромб. И шансов нет никаких. Но жена... Что-то надо все равно делать. Она же все видит. Напишет жалобу и тогда такие будут разборки, что мама дорогая... Все это секундой пронесется в голове. Начинаю реанимацию и одновременно с этим кричу своему водителю, что бы вихрем по витальным в ближайшую.

Прекардиальный удар естественно никакого эффекта не произвел. Непрямой массаж сердца. Качаю как могу, сидя на этом огромном теле. Бедные мои руки. Я их уже почти не чувствую. Пот градом. Качаю, жена дышит. До больницы при хорошем движении минут десять, мы в заторе едем уже

двадцать. Ору водителю, что бы хоть сирену, мигалку включил и по встрече. Всю дорогу качаю, жена дышит в воздуховод. Естественно ничего. Ни пульса, ни поддыха... Ничего.

Домчались. Выгружаю. Мчимся в шоковый зал. Ору по пути, что бы реаниматологов вызвали. Мужик-то уже давно синий. Одного взгляда на него понятно, что это труп и что причина смерти – тромб...

Примчались реаниматологи. Выгнали из зала жену. Качнули сами пару раз и развели руками.

– Труп ваш. Это тромбоэмболия в 99%.

– Да. Я знаю, что мой. И знаю, что тромб. Просто тут его жена в истерике. Ну не могла же я там, на улице вот так ей сразу все и сказать...

– Понятно. Но труп ваш.

– Хорошо.

На том мы с реанимацией и закончили.

Вышла из зала. Сказала все жене. Сказала, что пыталась, что тут, в больнице, тоже пытались, но ничего не смогли сделать.

– Что ж вы одна-то приехали? – были ее слова на это.

Хотелось мне сказать, что будь со мной даже двое или пятеро человек, все равно ничего бы не смогли сделать. Тромб закупорил сначала мелкие ветви легочной артерии, и мужичок еще как-то дышал, а потом пролез дальше и закупорил всю легочную артерию и все – конец. Но говорить этого я не стала. На душе было скверно. Почему-то мысли бы-

ли о том, что зря я его переключала в свою машину, может, это спровоцировало продвижение тромба дальше, может, стоило там, прямо в грузовике начать осмотр, поставить капельник. Но ведь все равно его пришлось бы переложить рано или поздно... да и как бы я его там нормально осмотрела в полутьме под светом фонаря... Итог был бы один.

Пока вызывала милицию, пока ждала трупоперевозку, жена плакала, кричала, снова плакала, снова кричала... Проводила ее в свободный кабинет. Накапала валерьянки, корвалола... Пыталась успокоить...

Труп, естественно, был мой. Я и не пыталась спихнуть его больнице. А больница милостиво согласилась подержать у себя труп, пока не приедет перевозка забрать его в морг. На том и порешили. Терпеливо дождалась ментов, составили протокол, описали труп, дождалась перевозку, погрузили... Все.

На следующий день дружно со старшим врачом карточку написали. Она меня заверила, что ничего страшного не произошло и на меня не за что жалобу писать и сажать в тюрьму тоже не за что. Все было сделано правильно, и это бывает и очень часто. Потом мы с ней позвонили в морг, что бы узнать окончательный, уже посмертный, диагноз после вскрытия. А он гласил то, что я уже знала: тромбоэмболия легочной артерии... Все было правильно. Моей вины в смерти 53-летнего мужичка не было. Однако я еще долго, очень долго мусолила в мозгах эту смерть, свои действия, ис-

терику бедной жены, думала, а вот если бы я сделала так или вот так, то может быть... Потом это прошло. С того дня минуло много лет, и было в моей жизни уже достаточно смертей... Только ту, самую первую, мне не забыть никогда...

Это бывает у всех медиков. Первая не забывается...

Круговорот бомжей в природе

Вызов к бомжаре у метро. Просто пьяный бомж. Без свежих травм. Грязный, конечно. С алкогольной энцефалопатией и полинейропатией (это когда мозги полностью пропитаны алкоголем и человек становится уже почти не человеком, а трясущимся, еле-еле передвигающимся созданием).

В переходе метро у бомжа дом. Живет он там постоянно. Вызвала одна дамочка, которая проходила мимо. Видит, что бомж спит, никого не трогает. И ей как-то вдруг показалось, что бомж во время сна потерял сознание, поскольку в карте вызова значился именно такой повод: «потеря сознания». Приехали. Дамочка на него показывает. Что ж... Бомж храпит... Будим... Слышим недовольство бомжа и его крепкий забористый мат. Дамочка скорчилась.

– А вы его в больницу не заберете?

– А вы поможете нам его до машины дотащить? Вот вам перчатки. А может, к вам домой? Помоете, накормите, обогреете...

Наш юмор не был понят. Дамочка быстро скрылась в толпе... А жаль...

Ладно, берем бомжа под белы ручки и в машину. Сопротивляется, гад. Но по приказу мы должны их возить, а не повезешь – будет повтор, будут разбирательства с начальством.

В салоне запах... Ух... Бомж почти счастлив... Уже не сопротивляется. Едет в больницу.

В приемнике больницы мы выслушали все, что врачи приемного о нас думают. Усадили бомжа в уголке санитарной комнаты. Пусть отоспится, заодно и с друзьями, такими как он, познакомится. Написали сопроводок. Снова выслушали от врачей приемника все, что они думают про нас и бомжей.

Помыли и обработали машину. Выезжаем за забор больницы, а там... наш бомж сидит, прислонившись к забору. Выгнали... Теперь снова в метро двинется на старое место. И через пару дней снова будет к нему вызов и снова больница, забор, и опять переход в метро, и снова мы...

И вот какой смысл? Хоть кому-нибудь от этих телодвижений бомжа стало легче? Или от наших телодвижений стало легче бомжу? Ему от больницы, между прочим, путь не близкий до его родного перехода... Однако он всегда доходит... И в этот раз дойдет.

Упал на штыри, не дышит

После серии просто ерундовых вызовов прикатили на подстанцию, где я, глотнув кофе, попыталась хоть чуть проснуться.

Навигатор проорал вызов таким мерзким звуком, что мои мозги свернулись в трубочку.

Смотрю повод к вызову: «Травма головы, кровотечение». Возраст написано 20 и все, а чего 20 непонятно. Скорее всего лет 20. В примечании такая вот надпись: «Упал на штыри, НЕ ДЫШИТ». Вызов на квартиру. Пока иду в диспетчерскую, думаю, что, наверное, строитель в квартире что-то там ремонтировал и упал на какой-нибудь штырь, головой пронзил и все – не дышит. Вот такая картина представлялась взору. Ну где и как еще можно в квартире напороться головой на штырь?

Беру карту, тут доктор нарисовался, интересуется что там. Говорю, что парень, видать, головой на штырь упал и не дышит. Пожали плечами, схватили в охапку водителя и пошли все вместе в гараж.

И вот тут я прочитала карту внимательно и охнула...

В карте (не в навигаторе, а именно в карте) значилось такое: возраст «ребенок 20 дней». То есть все вот это – «травма головы, кровотечение, упал на штыри, не дышит» – все это ребенок 20 ДНЕЙ! Доктор охнул вместе со мной, водитель,

помянув мать, вогнал тапку в пол, и мы полетели.

Мы летели так, как никогда еще не летали. Я даже и не знала, что наша газель на такое способна и что наш хороший и спокойный водитель может так водить – он просто летел, не касаясь земли, он сделал всех на проспекте, да и сам проспект перекрутил вверх тормашками и выехал там, где никто еще не выезжал. Он орал так, что все глохли и офигевали на дороге, и расступались, расходились. **МЫ ЛЕТЕЛИ!** И это было страшно до дрожи, а еще более был страшен повод к вызову и то, что нам, вероятно, предстояло увидеть, сделать и сказать.

Мозги компостирировало только одно – «возраст 20 дней» и тельце детеныша, пронзенное какими-то штырями. И все. ВСЕ. Ведь это реально смерть. А это дите. И надо будет реанимировать даже мертвое дите, даже со штырями в теле. И как все это делать? А как быть с этими штырями? Спасатели уже едут, что бы снять ребенка со штырей или как нам реанимировать-то?

И еще – чем нам реанимировать? Пока летели по проспекту, я носилась по салону и доставала все, что есть у нас в машине для реанимации новорожденного. Перерыла всю реанимационную сумку – у нас нет трубок для интубации новорожденных. И что делать? Ну нет таких вот маленьких трубок. Есть детские, но для возраста от трех лет. Что делать-то? И у ларингоскопа клинков нет маленьких. Это же 20 дней! 20! Это, считай, еще зародыш какой-то...

Орем, вопим сиреной, едем, думаем, к чему приедем. Навигатор орет – там старший врач хочет знать, что у нас и как, и что бы отчитались обо всем. Понятно, такой повод, что аж муторно...

Подъезжаем уже к дому, осталось проехать во дворы и мы на месте. Дорогу преграждает грузовая машина, гаишники и какая-то легковушка. Они, видите ли, поцеловались аккурат у въезда во дворы, к ряду домов, один из которых наш. Мы орем сиреной. Гаишник выскакивает из своей машины и перекрещивает руки, давая понять, что проезд закрыт. Но вот беда, другого проезда во дворы нет. Только этот и он перекрыт поцеловавшимися машинками. Выскакивает мой доктор, орет на гаишника, что там на вызове ребенок умирает и что бы убирались все с нашей дороги. Орем, вопим сиреной. Гаишник офигел. Я, честно сказать, тоже. Даже подумала, что доктор сейчас поперет драться с гаишником и сам раздвигать машинки, что бы нам проехать.

Вижу, что сзади нас прижимает еще скорая и на ней надпись «Детская». Ухх... От сердца отлегло. У них есть все. И трубки, и кюезы, и все-все для детей любого возраста. Они спецы, и они едут на этот же вызов. Слава богу!!!

Офигевающий гаишник приказал машинкам освободить проезд, уж не знаю, составили они там схему или нет, но все освободили нам проезд без слов. Мы ринулись во дворы. Синхронно со спецами остановились у подъезда, вытащили свои сумки, бегом в подъезд. Время прибытия – 6 минут.

Бегом на второй этаж. Мой доктор приободрился, пропуская детскую бригаду вперед. Мои же чувства сложно описать. Я хотела бы остаться во дворе у машин и не видеть, не знать и не слышать ничего. Слабачка! Пру со всеми. Дверь квартиры приоткрыта. Все кинулись внутрь. Нас четверо. Встречает мать, вся в слезах. Думаю, что сейчас увижу детеныша, пронзенного штырями, всего в крови и мертвого...

Но... Дите 20 дней от роду мирно спало в своей кроватке и даже во сне сладко посапывало. Мы все вчетвером устали на эту идиллию.

– Кто? Где? Что за штыри?

– Я перестилала постельку, сняла матрас, а под матрасом железная решетка... Пока перестилала, положила ребенка на подушки рядом, а он скатился прямо на железную решетку, и мне показалось, что перестал дышать, а потом заорал, – лепетала непутевая мамашка.

На лбу небольшая ссадинка и все. Живой, дышит, спит, сладко причмокивая.

Какое это облегчение! Не передать словами! Это ж просто невероятно!

Живой, дышит и не пронзен штырями...

Детская бригада нас отпустила восвояси. Мы им не нужны. С ребенком все в порядке. После я у доктора педиатра узнала, что они отвезли все-таки ребенка в больницу, на всякий случай, хотя там было все в полном порядке,

но так спокойнее. 20 дней все-таки...

А мы на полусогнутых от стресса ногах поперли вниз в машину. Уже загружая свои сумки обратно в машину, видим, как на всех порах к нам во двор на этот вызов мчится реанимация с другой подстанции. Выпрыгивают двое, сумки и все дела. Еле остановили их. Объяснили, что там все в порядке и все живы и здоровы. Обрадовались.

– Так и до инфаркта недалеко, – вздохнул мой доктор...

Я знала, что вы меня услышите...

Дают нам с доктором повод к вызову «плохо с сердцем» к даме 80 лет. Вызывает полиция, а в примечании написано «ждут спасателей вскрыть дверь».

Все как всегда. Одинокая бабулька упала дома, встать не может, дверь открыть не может, соседи слышали крики и вызвали полицию, а те спасателей и нас. Все как всегда.

Пятиэтажка. Очень неудобный подъезд к которому наша машина близко не может поставиться. Вертелись, вертелись и так, и эдак, но пришлось за километр встать и приютиться рядом с машинкой полиции.

Взяли ящик, кардиограф. Третий этаж. Встречает полиция. Трое парнишек в форме, из карманов которой торчат постоянно бурчащие рации, в бронежилетах и с автоматами наперевес, уставшие, кому-то все время звонящие по мобильникам.

– Мы тут уже час. Спасатели все никак не едут, хотя им ехать-то всего ничего, они же недалеко, – вздохнул один из них.

– Она хоть живая? – интересуется мой доктор

– Да. Слышно, как она там в квартире стонет. Мы даже с ней переговаривались через дверь.

Подшли тоже к двери, постучали, позвонили в звонок. Тишина.

– Затихла что-то..., – вздохнул полицейский. – Может быть, сознание потеряла... Бабуля!!! Бабуля!!! Отзовитесь!!!
Скорая приехала, сейчас спасатели приедут и дверь откроют! Слышите меня!!! Отзовитесь!!!

Где-то в глубине квартиры что-то зашуршало, потом слышался приглушенный стон.

– Кошка там у нее живет. С кошкой-то что? – это выглянула из-за спины полицейского соседка.

– Да мы вот о кошке сейчас меньше всего думаем... Идите-ка вы домой к себе, – попытался убрать любопытную соседку мальчик-полицейский.

Та, обиженно бормоча: «ну это же я ведь вас вызвала, это вот я все услышала и вызвала», ушла к себе на этаж.

Время тянулось медленно. Мы с доктором стояли, подпирая стены около окна, глядя на золото осени и ловя тепло солнечных лучей, полиция сидела на ступеньках подъездной лестницы, я дивилась взглядом на их автоматы и бронежилет, и то и это так хотелось потрогать, примерить на себя. Интересно, бронеки сильно тяжелые?

– Пойду-ка я за волокушами схожу. Чую, что там все не очень хорошо... Что бы уж сразу погрузить и вперед.

Сказав это, я отправилась вниз. Просто стоять уже устала и решила размять ножки. Внизу встретился водила.

– Что там у вас?

– Ждем-с спасателей дверь вскрывать.

Взяла волокуши, привела с собой любопытного водителя.

Стоим все вместе. Ждем, болтаем о всяком разном. Нашего водителя больше всего интересует, не нашли ли тех ма-
ньяков, которые стреляют по колесам и убивают водителей
на трассах.

– Нет..., – качают полицейские головой. – Не нашли...

И вот после получаса ожидания к нам спешат спасатели.

Их так много... Целых шесть штук. С инструментами са-
мыми разными, с чемоданчиками, в спецодежде и в таких
сапожищах... Ох...

Одну дверь вскрыли довольно быстро, там замок был фи-
говый, а вот вторую, железную, застопорились...

Грохотали так, что уши чуть не взорвались. Кажется, весь
подъезд высыпал из своих квартир спросить, что это там та-
кое происходит и был послан обратно к себе.

Дверь, конечно, сделана была на совесть.

– Вот поэтому я и запрещаю своей матери устанавливать
железную дверь. Вот поэтому. Фиг ее вскрыешь, если что, –
бурчит наш водила.

Замки не поддавались. Спасатели чертыхались. Один они
вскрыли, но был еще второй, какой-то скрытый, который
непонятно где и как.

– Забаррикадировалась бабуля...

И только когда притащили болгарку, все пошло к раз-
вязке. Искры, вонь и грохот сделали свое дело, отломанную
дверь оттащили, дым рассеялся и...

– Да, она здесь лежит. Идите, скорая, – пропустил нас

в дверной проем спасатель.

Зная уже, что к чему на таких вот вызовах, мы заранее позаботились о своем комфорте и нацепили маски, внутрь маски положили влажную ароматную салфетку, но все равно запах проникал сквозь все барьеры... Сладкий запах гниющей плоти и вонь испражнений...

Захотелось блевануть, но мы же профи – все нормально, глаза лишь заслезились, ища в полутемном узком коридоре человеческое тело.

Вот и оно. Лежит ничком, лицом в пол. Дышит... Стонет...

– Бабуля! – окликнули мы тело

Тело подняло голову.

Ее глаза уставились на нас, по щекам текли слезы...

– Я знала, что вы меня услышите... Знала..., – прошептала она одними губами. – Можно мне попить...

Пока доктор начал осматривать ее, я метнулась на кухню. Очень приличная квартира, чисто все убрано, на полках кружечка к кружечке, полотенца чистые, кружевные нашивочки на стульчики. Столик, плита – все чистое и отмытое. Так все приятненько. Чувствуется, что бабуля следила за квартирой.

Налила в кружку воды. Назад к бабуле. Как она пила! Это надо было видеть! Она тряслась всем телом, пытаясь перевернуться хоть как-то (лежала на животе), что бы припасть к кружке. Когда мы вошли, казалось, в ней еле теплилась жизнь, но тут она собрала все силы, что бы пить, пить и пить.

Глотала жадно, обливаясь, пыхтя. Кружка была пуста за считанные минуты.

С помощью спасателей бабуля была вытянута в светлую комнату, где мы могли уже с ней нормально работать.

И тут нашему взору предстала нелицеприятная картина. Ее ноги сверху до низу – это один сплошной пролежень, гниющий пролежень, на груди тоже гнойные пролежни.

Бабулька-то полная очень, жира много, кожи много – вот поэтому так и получилось.

С трудом преодолевая подкатившую тошноту, бинтую ее ноги. Позиционное сдавление. По идее, надо ведь жгуты накладывать, но вот куда? Там ноги прямо от паха и до самых стоп – гниль, там даже живот и грудь тоже гниль. То есть вся передняя часть бабули – большой такой гниющий пролежень... Жгуты накладывать не стали. К тому же правое бедро оказалось вывихнуто. Забинтовала ноги, наложила повязки на весь этот ужас...

Доктор пытается бабулю кубиталкой хоть куда. Но вен нет. Совсем нет. А давление 60 на 40... Капать по-любому надо. На локтях тоже пролежни, но не такие уж что бы совсем все плохо, но вот вен нет. Скорее всего, перераспределение крови произошло.

Вторая кружка воды осушена. Бабулька постепенно оживает. Уже может связанно говорить с нами.

Она упала пять дней назад. Пять дней она лежала вот так в коридоре в одном положении из-за вывихнутого бедра

и не могла толком пошевелиться. Она кричала все эти пять дней, кричала что было мочи, но никто ее не слышал.

Она живет одна, и из родни у нее только дальний какой-то племянник, живущий в другом городе. Но она же была здоровой, ходячей, сама себя обслуживала, сама ходила в магазин. Все сама.

– Я так кричала! Когда уставала, то засыпала, потом просыпалась и опять кричала.

Вот на пятый день кто-то из соседей все-таки услышал этот крик.

Кажется, что жива бабулька оказалась только из-за своих габаритов и жировых запасов – очень полная. Пять дней без еды организм спокойно выдержит, но вот без воды... Как вот она продержалась без воды пять суток? И жива, и даже в сознании.

С трудом поставив самую тонкую желтую кубиталку, сделали фентанил, прокапали флакон натрий хлора и покатали в больничку.

А полиция осталась опечатывать квартиру. Только вот как приладить обратно дверь – это вопрос, который так и остался вопросом после нашего ухода.

В машине бабулька все рассказывала нам, как все эти пять дней кричала и спала, кричала и вырубалась, кричала и теряла сознание, но кричала и знала, что ее услышат, ведь знала же, и ее слышали...

Вот только одно но... Обе ноги она не чувствует совсем.

Даже когда мы ее переворачивали и еще не знали о том, что бедро вывихнуто, она почти не пикнула, а ведь должно быть сильно больно, обе ноги у нее большой такой гниющий пролежень... Судя по этому жуткому виду, кажется, что потеряет она обе ноги, а если и выживет после, то как и что будет дальше, непонятно... Да и выжить шансов не много – сепсис, но у нее такая жажда жизни, что все может быть...

Сдали в реанимацию живой, но что там будет дальше? Шансов очень мало что поборет сепсис, что не откажут почки и выживет...

Пятеро суток без воды, еды, с вывернутым бедром, постепенно гния пролежнями, без возможности толком шевелиться в узком коридоре, крича до изнеможения, засыпая, потом снова крича, теряя сознание и силы, но встряхиваясь и опять крича, что бы обнаружили, что бы спасли из плена квартиры.

И почему соседи лишь на пятый день что-то да услышали? А где они раньше-то были? Почему ничего не слышали или слышали, но ничего не предпринимали? Эх...

Страшно представить, что творилось в мозгах этой старушки за все эти пятеро суток, что она думала, что ощущала.

Стеинг ин лайв

Песня Бии Джиз «Стеинг ин лайв» идеальна для реанимации. У нее ритм 100 в 1 минуту, и если качать и слушать эту песню, то будешь, попадая в ее ритм, качать четко 100 ударов в минуту.

Вчера мы качали без этой песни... Вообще без всего лишь думая, как описывать смерть при 03. Там другого просто не дано. Скорее всего тромбоземболия..., может как осложнение инфаркта... Мужик 43 лет, синий уже весь, при нас единичные вздохи...

Сын рядом в каком-то ступоре... Мальчик сегодня теряет отца навсегда... Вот ведь как... Понятно, что бесполезно, понятно, но качаешь в какой-то надежде, что ли, или просто чтобы не было жалоб и недомолвок, что вот, мол, приехали и ничего не делали.

Нацепила ЭКГ.

– Мелковолновая фибрилляция – бить нельзя, – констатирует доктор, когда я притащила ей дефибриллятор.

Пока просто качаем и ждем крупноволновой, чтобы дать разряд. Все готово. Только дай команду... Но всё мелкие F волны и никак... Никак невозможно бить... Только навредишь и остановишь сердце совсем...

Куда-то кубиталка попала. Давления уже давно нет. Так что непонятно, куда там стремится адреналин, но куда-то

уходит, и даже сердце ритм выдает, и даже иной раз и синус единичный проскакивает и срывается в мелкую фибрилляцию. Вот ведь как...

Ребенок. Мальчику лет 15 на вид. То к нам прибегает, то на кухне сидит весь никакой...

Смерть рядом... Качаем уже минут тридцать. Дыхания нет. Дышит аппарат. Хорошо хоть мы заинтубировали успешно. ИВЛ-ВВЛ дышит за мужика. Зрачки широкие, рефлексов нет, ничего нет, но сердце еще выдает синус и волны фибрилляции...

Вот оно! Вот! Крупные волны пошли. Дали разряд. Трянуло тело чуть. Пока 200... На ЭКГ разряд и синус... Есть! Адреналин почти весь, который был в ящике. Синус есть чуть больше минуты и... снова мелкие волны фибрилляции – бить нельзя...

Ждем либо прямую линию, либо крупную фибрилляцию... Адреналин опять... Качаем... Ну что мы можем здесь, в квартире, в маленькой комнате, где двоим-то тесно, в панельной пятиэтажке у раскрытого балкона, куда так и не дошел наш больной? Что можно вот тут сделать? Пот градом... Я вся мокрая... Доктор – пот со лба капает, мокрая форма... Ей еще оформлять все это, а это ведь смерть явно, и ничто не изменится, только лишь время скажет, сколько еще качать и бить, или не бить, а только качать, или уже и не качать вовсе, а оформлять... Будет прямая линия – все констатируем... А пока..., пока пытаемся хоть что-то хоть

как-то... Ребенка жалко...

Мы нашли мужика уже без давления, с единичными вдо-
хами, вызвал сын, повод гласил: «отравление газом, без со-
знания», а на самом деле газ тут не причем, просто забыл
мужичок закрыть конфорку, поскольку плохо стало, поспе-
шил он к окну, потом на балкон, уже задыхаясь, до которого
не дошел, но не от газа плохо стало, не от него, просто сын
решил, что раз пахнет на кухне газом, конфорка открыта,
отец задыхается, значит газом отравился...

Мы же все спокойно дышим и ничего, от больного не пах-
нет газом и вообще ничем не пахнет, лишь смертью... Как-
то так... ТЭЛА это... Синюшное лицо... Не спасти тут. Вот
как не пытайся, не вытащить...

Пока качаем... Мысли всякие лезут... Лидокаин попро-
бовать, авось мелкую переведет в крупную фибрилляцию,
а потом стрелять... Что еще может перевести мелкую в круп-
ную?

Озвучила.

– Теоретически может быть...

– Давай попробуем...

Это не по стандартам, но черт знает... Спишу лидокаин
куда-нибудь...

Попробовали... Нет, лидокаин ничего не сделал... Так
мелкая и осталась...

Час прошел... Качаем... Уже прямая линия... Качаем...
Адреналин весь... Только выждать чуть и констатировать...

Все... Здесь смысла нет... Мальчика жалко...

Констатируем... На мальчика жалко смотреть...

– Есть кто из взрослых?

– Тетя скоро приедет.

– Как скоро? Позвони ей, спроси, когда приедет.

Реально его хочется обнять, что ли...

Позвонил тете.

– Она уже у метро. Минут через двадцать будет.

Ну 20 минут можем подождать, пока в полицию и труповозам дозвонимся, пока напишем бланк, пока ожидание полиции и прочее, и прочее...

Дождались мы все-таки тетю мальчика и полицию. Слезы... Что уж тут сделать...

– Он только месяц назад мать схоронил..., – сквозь слезы причитала тетя. – А тут теперь отец... Что делать? Что? Что делать-то?!

Семья приличная, жалко, вот остро жалко мальчика, и ничего сделать ведь нельзя, ничего, не вернуть отца, ну никак не вернуть... Если бы мы могли..., если бы...

Ребенок еще не осознает потерю... Все на его глазах... Жутко... Представляю, как ему теперь, что теперь... Матери нет, отца теперь уже нет, осталась тетя... Я так поняла, что это двоюродная сестра отца...

Все как-то призрачно. Накрытый простыней труп, лежащий на полу в малюсенькой комнате у балконной двери... Скорая, следы нашей реанимации, катетеры, трубки, ИВЛ,

деф, ящик, кардиограф, полиция, пишушая протокол на кухне... Вижу себя и доктора словно со стороны и думаю: вот так вот..., никто не знает когда, как и в какое время придет его срок..., поэтому надо брать от жизни все здесь и сейчас, не будет завтра, нет будущего, сейчас, только сейчас и никогда потом...

– Я его заберу к себе, он не будет спать здесь, – говорит тетя насчет сына.

Ему и вправду не стоит здесь ночь проводить. Пусть у тети, пусть где-то там, но не здесь...

Сила слова

Моя одиночная смена была наполнена притонами, алкашами и нариками. Странное вот дело. У меня стали какие-то тематические смены. Вот эту я бы назвала «притонная смена».

Вот как ты себя поведешь в притоне, что скажешь, сделаешь, как посмотришь, так дальше тебе и расхлебывать свое поведение. Либо все будет плохо – нападут, закроют, не будут выпускать, ну и прочее нехорошее, либо расшаркаются и сами сделают все то, что от них хочешь, причем сами того не ведая, причем сделают так, что и сами не поймут, что сделали, будут благодарны по самые сопли непонятно за что, выведут, охраняя от других, не столь дружественных, пожмут руки и все расстанутся счастливыми, живыми, спокойными, а главное, без воплей и других надругательств над телом и лекарствами. Все зависит от тебя – как себя с ними там, в притоне, поведешь, так и будет.

Словами можно успокоить даже самого буйного и напористого, а сила здесь только навредит. Будешь сразу наезжать (даже если на тебя первым наехали) и делать презренную мину – получишь по самое-самое и даже не поняв за что и почему, ведь вроде как ничего не сделал и не сказал, только вошел, а вот настучали, закрыли, ничего и не хотят, но и не выпускают почему-то, а можно было все сделать по другому –

видишь притон – они все, те кто в нем, они – главные, и ты должен, именно должен, им подчиниться и заговорить их так, что бы уйти оттуда в целостности и сохранности. Из притона главное уйти живой, невредимой, без потери наркоты, ящика и своего здоровья.

Так что в притоне никаких наездов на хозяев, все спокойно, дружелюбно и учимся актерскому мастерству, заговариванию и быстрому покиданию притона под аплодисменты, благодарности и радостные всхлипывания. А еще надо говорить с ними, да вот просто так говорить, нормально говорить, как с нормальными, простыми людьми, а не сразу с порога – твари наркоманистые, мы здесь вообще не нужны, пошли отсюда, ложный вызов. Лавировать надо, слышать интонацию и направлять возможную агрессию в никуда и там ее растворять.

Итак, дают повод к женщине 49 лет: «отравление алкоголем, ухудшение состояния», вызывает знакомый. Ну и по поводу все понятно. Да.

Встречает такой весь алкашный алкаш, который с трудом может стоять, еле-еле открыл входную дверь, чуть сам не вывалившись на лестничную клетку.

– Сссскооорая... Проооохоооди!

Дверь распахивается.

– Только после вас, – делаю я жест рукой, приглашая его зайти обратно в квартиру и премило ему улыбаюсь, одновременно ловя интуицию, что мне там дальше ожидать.

Я никогда не позволяю кому-то оказаться сзади себя. А пока я на лестничной клетке, если все же будет нападение, то оно будет напрямую из квартиры, и есть вероятность умчаться бегом вниз с лестницы на улицу. Но вот если пройдешь в квартиру – все, ты в ловушке, и тут все уже будет зависеть от тебя, твоих слов и поступков.

Меня поняли, и через минуту, ползя по стенке, алкашное чудо растворяется в темном квартирном коридоре, а я слеую за ним. Сразу скажу, что страшно, конечно, страшно, поджилки трясутся, интуиция в напряге, я не знаю, что там в комнатах, которые закрыты, что там, куда он меня ведет.

Привел на кухню. Там еще один большой такой весом и ростом алкашный тип стоит у окна, а за столом на табуретке сидит пьяная вдрызг баба. В сознании, но сильно пьяная.

Большой тип поворачивается ко мне:

– Ей надо сделать укол! Сейчас, немедленно укол! Обезболивающий!

Первый алкаш, который привел меня, встал в дверях кухни, перегородив мне выход.

– Хорошо, сделаю. А что болит-то? Мне надо знать, от чего колоть-то.

– Все болит, – это уже подала голос пьяная бабенка. – Все тело болит.

– Укол обезболивающий ей просто сделайте!

Я молча аккуратно, ставлю ящик, достаю тонометр, узнаю имя отчество у алкашной дамы, называя ее ласково, спокой-

но и по имени отчеству, провожу осмотр – давление в норме, сахар в норме. Болит тело, понятно. Нажимаю на тело в разных его местах, на все получаю «ой!», сокрушаюсь вместе с болезнью, что все так у нее болит, говорю с ней, с двумя алкашами о том, что вот как все у нее болит, как же так все болит и никто и ни что не помогает. В общем, несу я полную чушь, просто околесицу, но ласково обращаясь ко всем на вы и по имени отчеству к обалдевшей даме, получаю одобрение, восхищение и восторг у большого алкаша. А мелкий, тот, который сильно пьяный, тот, который привел меня, аж чуть не сползает по стенке.

Прошу большого алкаша увести вот этого мелкого, дабы дать мне побольше места для работы, потому что надо еще снять кардиограмму и обследовать даму, а то вдруг у нее инфаркт, а места мало – мешаются тут некоторые. Мне кажется, все уже забыли, что хотели от меня, все поглощены процессом создания уюта для моей работы: столик подвинуть, алкаша вывести спать, помочь даме усесться поудобнее, помочь поднять ей кофточку.

Пока разматываю электроды, говорю с большим алкашом и дамой так ни о чем, но я постоянно говорю, не прекращая болтать ни на минуту. Мелкий ушел спать, дверь свободна, выход свободен, но нельзя показывать, что хочешь уйти, надо играть по-нормальному и до конца.

Угрозы уже никакой нет, интуиция почти замолкла. Кардиограмма выявляет лишь тахикардию. Спрашиваю, сколь-

ко алкоголя и когда пила.

Пьянь сосредоточенно думает, видимо, подсчитывая.

– Двести грамм коньяка. Двадцать минут назад.

Тогда такая тахи нормальна. Сыплю умными фразами, обескураживаю еще больше. Сматываю кардиограф. Сама напоследок напоминаю про укол, хотя могу уйти и так – меня никто уже не удерживает. Большой алкаш спохватывается: ах да, укол же. Ну ведь болит все тело.

Набираю физраствор и делаю его в мышцу дамочке. Все. Обезболивающее подействует через некоторое время, а мне пора других лечить, больных ведь много, загадочно улыбаюсь, большой алкаш помогает мне вынести ящик, пропускаю его вперед, благодарю, дверь за мной закрывается. Все. Я свободна.

А если бы я начала сразу с наезда что за укол да зачем укол, когда вы тут все нажравшиеся уже и без укола. Вот тогда бы я и получила задерживание и всякие требования или чего еще похуже. Два мужика, один из которых весит ого-го сколько. А так все уже забыли, зачем и скорую-то вызвали, физраствор в мышцу еще никому не вредил. И самое главное, на все про все забалтывание ушло 20 минут. Ушла живой, здоровой, невредимой и главное, без проблем. И все счастливы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.